

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Б. М. ДА Н Ц И Г

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

В одной из своих работ, посвященных Турции и турецкому вопросу, К. Маркс пишет: «Турция была до греческого восстания *terra incognita* (неизвестная земля) во всех отношениях, и распространенные на ее счет представления покоились больше на сказках из «Тысячи одной ночи», чем на исторических фактах»¹. Отметив недостаточность сведений о Турции в Западной Европе, К. Маркс подчеркнул тут же, что «в России... нашлось достаточно людей, правильно понимавших истинное положение и характер Турции»². Это понимание могло возникнуть только лишь на основах долговременных исторических связей между Россией и Турцией. Для того чтобы лучше понять характер исторических отношений России и Турции, следует проследить возникновение и развитие отношений между русскими и Ближним Востоком. Между тем ни в дореволюционной исторической литературе, ни в советской нет ни одной работы, посвященной специально истории изучения стран Ближнего и Среднего Востока в России. Необходимость же подобного рода работы давно назрела. Данная статья является первой попыткой дать более или менее полный и систематизированный обзор истории изучения Ближнего Востока в донпетровской Руси.

Русские издавна познакомились с Ближним Востоком и его обитателями. Они располагали сведениями не только о ближайших греческих колониях (Сурож, Херсонес), но и о более отдаленных областях и странах — Византии, побережье Малой Азии, Армении, Месопотамии, Сирии и, возможно, о Египте.

Знакомство русских с Ближним Востоком началось значительно ранее XII столетия, от которого дошел до нас первый

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 387.

² Там же.

письменный источник о путешествии на Восток — описание путешествия игумена Даниила.

С определенностью можно сказать, что славяне знали дорогу на Ближний Восток еще в VI—VII вв. «Уличи и тиверцы находятся в постоянном общении с Византией, то служа в византийских войсках, то совместно с славянами нападая на империю»¹, — отмечает акад. Б. Греков, — относя эти данные к событиям VI в. «В этот же период анты — русь входят в непосредственное общение с Византией и народами Востока и завязывают с ними постоянное общение»².

В середине IX в., в 842 г. русские воины побывали на южном берегу Черного моря, в Амастриде (Амасре)³. В 60—70-х годах IX в. арабский географ Ибн-Хордадбех писал: «Русские из племени славян вывозят меха бобров и чернобурых лисиц из самых отдаленных краев Славянской земли и продают их на берегах Румского (Средиземного) моря; тут царь Румский (Византийский) берет с них десятину. Когда им вздумается, они отправляются на Славянскую реку (Волгу) и приезжают в залив города Хозар (Итиль, близ устья Волги. — Б. Д.); тут дают они десятину владельцу этой страны. Затем они едут в море Джурджанское (Каспийское) и там пристают к любому берегу... Иногда случается, что они везут свои товары из Джурджана через Итиль в Багдад»⁴.

Многочисленные византийские, арабские и армянские источники свидетельствуют, что русские военные отряды сражались в рядах византийских войск в Македонии, Армении, Сирии в конце X и начале XI столетия⁵. Первые сведения письменных источников о торговле русских с Византией через Черное море

¹ Акад. Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М., 1944, стр. 29.

² Там же, стр. 20.

³ См. труды В. Г. Васильевского. Русско-византийские исследования, т. III, СПб., 1915; а также П. Погодин. О походе русов на Сурож. «Зап. Одесского Общ-ва истории и древностей», т. I. Одесса, 1844, стр. 195—196. Эта последняя статья, как указывает В. Г. Васильевский, написана А. В. Горским (см. цит. работу В. Г. Васильевского, стр. IV).

⁴ Цит. у И. И. Срезневского (в переводе А. К. Казембека): Следы древнего знакомства русских с Южной Азией, «Вестник русск. географ. общ-ва», 1854, ч. X, стр. 52—53.

⁵ См. Труды В. Г. Васильевского, т. III, СПб., 1915, стр. СХХIII; т. II, стр. 63; т. I, стр. 91, 201—203; В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 40 и примечания на стр. 312—313, 317 и 331—333; также Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., т. I, 1816, стр. 129 и 169.

и с мусульманскими странами через Каспийское море относятся к 40-м годам IX в. Однако, несомненно, что торговые связи существовали уже задолго до этого времени.

Это близкое непосредственное знакомство русских людей с Ближним Востоком нашло свое отражение в нашем древнейшем замечательном памятнике — «Повести временных лет», охватывающем события из истории нашей родины до 1110 г. и представляющем, по выражению академика Б. Д. Грекова, «одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила интерес на протяжении веков»¹.

«Повесть временных лет» содержит многочисленные данные географического, а также этнографического² характера и является, таким образом, первой русской сводкой географических сведений. Русский летописец знает не только географию своей страны. Перечень упоминаемых им стран весьма велик и свидетельствует о том, что летописцу известны почти все страны Балканского полуострова, Ближнего Востока, океанские берега Западной Европы, побережье Средиземного моря, нижнее течение Нила, Малая Азия, Каспийское море³.

Сведения о далеких странах изложены в библейской легенде о разделе мира после потопа между сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Яфетом. В этой легенде встречаются названия ряда стран и отдельных провинций Византийской империи в Малой Азии.

Так, например, «жребий Симов» — т. е. наследство Сима, включает в себя «Сурию, Мидию по Ефрат реку, Вавилон, Месопотамию, Аравию, Финикию» и др. Хам получил Египет, Ливию и ряд малоазиатских провинций — Киликию, Фригию, Ликию, Карию и др., «реку Гиону, зовемую Нил»; Яфет же получил Мидию, Армению и часть малоазиатских провинций, и также реку Тигр, текущую «между Миды и Вавилоном»⁴.

Исследователями давно установлено, что источником сведений для летописца о восточных и западных странах служили хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, Палая, Паннонские жизнеописания Кирилла и Мефодия, библия, официальные документы, договоры и др.⁵ Не подлежит никакому сомнению

¹ Акад. Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 70.

² См. М. О. Косвен. Из истории ранней русской этнографии. «Советская этнография» № 4 за 1952 г.

³ См. Полное собрание русских летописей (в дальнейшем: ПСРЛ) (Лаврентьевская летопись), т. I, стр. 1—2, «Повесть временных лет», т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 9—10.

⁴ ПСРЛ, стр. 9—10.

⁵ М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947, стр. 6.

знакомство летописца с перечисленными источниками, но важно отметить, что, черпая из них данные, он не просто перечисляет те или иные страны, а дополняет их сведениями, полученными из рассказов людей, в свое время побывавших в этих странах.

Около ста лет тому назад академик И. И. Срезневский, приводя слова той же летописи, что из Руси можно дойти до «жребья Симова» и до «племени Хамова» водными путями, совершенно правильно отметил: «Так представлял наш древний летописец водные пути не только своего, но и более отдаленного времени, пути, сближавшие Русь с отдаленными землями запада и востока, — представлял их себе, конечно, не по картам, а по памяти, и, следовательно, наслышась о них от тех, кто изведывал их в самом деле. Что их точно изведывали на самом деле промышленники русские с незапамятного времени, это отмечено было многими из наблюдательных людей того времени, куда они заходили, между прочим, и многими из географов арабских»¹.

В подтверждение этой своей правильной мысли И. И. Срезневский и привел цитированную ранее выдержку из рассказа Ибн-Хордадбеха.

Академик Срезневский совершенно правильно указывал: «В числе древних и старинных памятников русских осталось много замечательных и важных воспоминаний о Цареграде, на которых большей частью лежит печать современности»².

«Повесть временных лет» не только повторяла греческие хронографы, но, несомненно, отражала и сведения, полученные от лиц, бывавших на Востоке. Летописец говорит о пути из варяг в греки, зная два пути — из Балтики в Средиземное море и из Балтики в Черное, упоминает Рим, Константинополь, море «понетское» «еще море словесъ русское», относит первый поход легендарного Кия на Константинополь к 854 г., далее рассказывает о походе Аскольда и Дира «на греки» (866 г.), заимствуя сведения о нем из греческой летописи, о походе Олега в 907 г., о посольстве Олега в 911 г. Имя Олега связано с заключением договора Руси с греками в 911 г. Рассказ о походе Игоря 941 г. интересен упоминанием о военных действиях не только у Константинополя, но и в Вифинии и в Пафлагонии, т. е. на южном побережье Черного моря: «Иже пойдоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньския страны, и воеваху по

¹ Акад. И. И. Срезневский. Следы древнего знакомства русских с южной Азией. Вестник русск. геогр. о-ва, ч. X, 1854, стр. 52—53.

² Акад. И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Чтение академика Срезневского. СПб., 1855, стр. 3.

Понту до Ираклия и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленившие»¹. Далее следует рассказ о договоре 944 г. между греками и русскими, затем о крещении (957) Ольги в Константинополе, о приеме которой в царьградском дворце упоминает Константин Багрянородный, о прибытии посольства великого князя Владимира в Царьград для «испытания веры». Позже, в 1043 г., в летописи отмечается поход Владимира, сына Ярослава, когда несколько кораблей было выброшено бурей на берег и часть русских воинов во главе с воеводой Вышатой, после ожесточенной битвы, попала в плен и была ослеплена. Воевода Вышата вернулся на Русь лишь через три года².

Таковы сведения летописи о посещении русскими Константинополя и северного побережья Черного моря, относящиеся ко временам, предшествующим «Крещению Руси», т. е. до 988 г.

Летописи не отражают оживленных торговых сношений этого же периода между Русью и арабскими странами. Однако сведения о торговле с Русью, имеющиеся у арабских географов, подтверждаются находками многочисленных кладов восточных (арабских) монет, найденных в России и относящихся к VIII—IX вв. Из этого можно сделать вывод, что не только арабы и посредничавшие в торговле волжские булгары бывали на Руси, но что и русские бывали в арабских странах.

После принятия христианства связи Руси с востоком усиливаются. Кроме воинов и торговых людей, посещают эти страны и представители русской церкви. Установившийся порядок присылки киевского митрополита из Византии вызывал многочисленные поездки духовных лиц из Константинополя на Русь и с Руси в Константинополь; кроме того, издавна совершались паломничества по «святým местам» не только духовных лиц, но и простых мирян. Паломники, или «калики»³, совершали поездки и путешествия, о которых до нас дошли письменные сведения; о некоторых путешествиях упоминается в летописях. Однако о большинстве поездок, кроме этих упоминаний, нет никаких других сведений, но совершенно ясно, что каждая из поездок, расширяя кругозор самого путешественника, давала определенный круг сведений о Ближнем Востоке

¹ «Повесть временных лет», т. I, стр. 33.

² См. ПСРЛ, т. I (Лаврентьевская летопись), стр. 66—67; «Повесть временных лет», т. I, стр. 103—104.

³ Слово «паломник» произошло от названия приносимых ими с собой пальмовых веток, а слово «калики» — от названия носимой ими обуви — латинского — *calig'a* — сапог.

не только ему самому, но и значительному числу лиц, соприкасавшихся с ним по возвращении его на родину.

Первый дошедший до нас письменный памятник о путешествии на Восток (хождение Даниила) относится к началу XII столетия. Тем не менее, в русских летописях упоминается о нескольких путешествиях в Византию, Палестину и на Афон уже в XI столетии. К 1013 г. относится упоминание о приходе Антония со «святой горы» в Киев¹. О путешествии Антония же (очевидно, вторичном) и пострижении его на Афоне рассказывается в летописи Нестора под годом 6559 (1051 г)². В летописи также упоминается имя Варлаама, игумена Дмитровского, ходившего на поклонение «святым местам» в Палестину. Еще ранее, в 1022 г., Феодосий Печерский встречает в Курске странников, идущих из «святых мест», и намеревается сам посетить Палестину³. О поездке на Афон Антония Печерского и его возвращении в Киев под годами — 6525 (1017) и 6535 (1027) упоминается в прибавлении к Ипатьевской летописи: «преподобный Антоний Печерский, оставив Киев, поиде паки во Святую Гору»⁴; «В лето 6535 (1027) преподобный Антоний паки прииде в Киев от Святыя Горы»⁵.

Согласно преданию, на Афоне был заложен русский монастырь, не то при Владимире, не то при Ярославе. Это предание подтверждается только в сравнительно позднем известии, содержащемся в летописи под 1447 г., где упоминается о монастыре св. Пантелеймона на Афоне, «понеже бо из старины тот монастырь св. Пантелеймона в св. горе строение бяше прежних Великих князей русских от Великого Володимера»⁶. Сын Ярослава Всеволод женился на дочери императора из рода Мономахов. В 1073 г. в Константинополь ездил митрополит Георгий, а во второй половине XI в. там жил Ефрем Каженик, бывший домоправитель киевского великого князя Изяслава, впоследствии епископ Переяславский⁷.

¹ Прибавление к Ипатьевской летописи. ПСРЛ, т. II, стр. 261.

² Там же, ПСРЛ, т. I, стр. 67.

³ «Житие преподобного Феодосия, описанное Нестором» (см «Ученые записки II отд. Академии Наук», 1856, вып. II, стр. 133), в переводе на современный русский язык Филарета, епископа Харьковского.

⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 263.

⁵ Там же, стр. 266.

⁶ «История Русской церкви. Макарий, епископ Винницкий», СПб., 1857, стр. 174; Н. М. Карамзин. Ук. соч., т. VI, 181, стр. 481.

⁷ Памятники древней письменности — «Посмертные чудеса святителя Николая». Труд Ефрема, епископа Переяславского. Сообщ. архимандрит Леонид.

В былинах известного «Владимирова цикла» сохранились отголоски многочисленных русских паломничеств в Палестину, которые имели место и при Владимире, т. е. в последней четверти X и начале XI столетий. Былины свидетельствуют, что паломничество носило распространенный характер, что совершалось оно большими группами, дружинами, часто по несколько десятков человек («сорок калик»).

В былине новгородского происхождения о Василии Буслаеве рассказывается, как он с товарищами отправился «Ко христову гробу приложитися, во Ердань реку окупатися». Былина о «сорока каликах» описывала их путешествие во главе с атаманом «ко граду Иерусалиму, святой святыни помолитися, господню гробу приложитися, во Ердань реке искупатися, нетленной ризой утеретися».

Повидимому событие, отразившееся в этой новгородской былине, описывается также в одном летописном сборнике XVI—XVII вв., где под 1163 г. помещен рассказ о том, как «ходиша из Великого Новагорода от святей Софии 40 муж калицы ко граду Иерусалиму, ко гробу господню».¹

В былинах имеются также и сведения о торговле с арабскими странами, так как в них упоминаются: золото и медь аравитские (или яровицкие), белохрущатая камка, узор которой описан в следующих словах:

«Хитрости Царяграда,
Мудрости Иерусалима»².

Паломничество было широко распространено. Рассказы паломников, людей, лично побывавших в странах Ближнего Востока, отразились и в повествованиях древнейшей русской летописи и в Киево-Печерском патерике.

Однако паломников-писателей русская литература не знала до начала XII в., до хождения игумена Даниила. «Хождение» Даниила, как и последующие «хождения» на Восток, описания которых дошли до нас, являются замечательными документами, написанными самими путешественниками, и хорошо известны в истории русской литературы. Это не только литературные

¹ История русской литературы. Изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1941, стр. 366.

«В лето 6671 Поставиша Ио(а)на архиепископом Новогороду. При сем ходиша во Иерусалим калицы при князе рустем Ростиславе. Сходиша из Великого Новагорода от святей Софеи 40 моужь калицы ко граду Иерусалиму ко гробу Господню». Отчет Публичной библиотеки за 1894 г. СПб., 1897, стр. 113—114.

² Л. М а й к о в. О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863, стр. 80.

памятники, но и древнейшие источники по истории русской географической науки и этнографии¹, по истории изучения Ближнего Востока. Путешествие Даниила, наряду с другими странствованиями, оставило заметный след в истории географических знаний². «...Древняя русская литература представляет превосходнейший сборник географических сведений о восточном крае Средиземного моря и о Палестине и Сирии, составленный русским игуменом Даниилом, путешествовавшим в Иерусалим в княжение Святополка Изяславича»³.

Даниил, игумен какого-то южнорусского, возможно, черниговского монастыря, посетил Палестину в 1106—1108 г.; свое путешествие он описал не позже 1113 г., так как в 1114 г. он уже умер⁴. Посещение Даниилом Иерусалима произошло вскоре после занятия его крестоносцами; Даниил был там при короле Болдуине I. Многие из виденных Даниилом храмов, монастырей и других крупных зданий впоследствии были разрушены — и поэтому описание их Даниилом и произведенные им измерения расстояний имеют большое значение. «В новейшее время археологи Палестины... поставили его показания по их точности, обстоятельности и достоверности выше всех и западных и восточных «путников» того времени. Археологическая ценность труда Даниила побудила перевести его уже для научных целей на французский, немецкий и греческий языки»⁵.

В «Хождении» Даниила⁶, так же как и в других «хождениях» паломников, много места уделяется описанию различного рода «святынь», «чудес», библейских легенд. Но наряду с этими описаниями в нем отмечаются и посещенные им местности, а также расстояния между ними, и даются сведения о некоторых сторонах хозяйственной деятельности.

¹ См. А. И. Першиц. Этнографические сведения об арабах в русских «Хождениях» XII—XIII вв. «Советская этнография», № 4 за 1951 г.

² Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2-е, М.—Л., 1949, стр. 52.

³ И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России. «Зап. Русск. географ. общ-ва», 1852, кн. VI, стр. 22.

⁴ История Российской иерархии. Собр. иеромонахом Амвросием, М., 1807, ч. I, стр. 223.

⁵ История русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, т. I, стр. 368—369.

⁶ И. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли. Изд. 2-е, СПб., 1837; Житие и хождение Даниила, русской земли игумена, под ред. М. В. Венивитинова. «Православный палестинский сборник», т. I, вып. 3 и 9, СПб., 1883 и 1885 (страницы указаны в тексте по И. Сахарову).

Даниил начинает описание своего путешествия только от Константинополя (поэтому нам не известно, каким путем он до него дошел). Он последовательно называет посещенные им места, но не дает им сколько-нибудь подробной характеристики, хотя бы с внешней стороны, отмечая, однако, некоторые, привлекавшие его внимание хозяйственные стороны жизни. Так, он говорит, что на о. Хиосе «рождается мастика, и вина добрая, и овощи всяки» (стр. 5). Посетив Эфес, он рассказывает, что город удален от моря на 4 версты — «обилеи же есть всем» (стр. 6).

Морское путешествие Даниила закончилось у Яффы. «Яфа же есть на бреже близ Иерусалиму, а оттуду иди по суху к Иерусалиму верст 30, да по полю 10 верст по горам до церкви святого Георгия (стр. 9) и воды многи суть...»

Естественно, что особое внимание путешественник уделил Палестине, Иерусалиму и его христианским святыням. Интересно описание внешнего вида Иерусалима: «Иерусалим есть град велик и тверд стенами, весь мокачен¹ на 4 углы, крестным образом создан; дебри же суть мнози и горы каменны около его. Безводно ж есть место вельми: нит ни реки, ни источника, ни кладязя близ Иерусалима, но токмо една купель Силуамля; но дождевою водою живут весь людье и скот во граде том и окрест Иерусалима» (стр. 27).

Даниил говорит о хозяйстве страны: «И жита много и добра рождается граду тому окрест Иерусалиму без дождя... родится пшеница и ячмень изрядно... ту суть же и винограды мнози около Иерусалима и овощная дресеса бесчисленная по всей той земли и около Иерусалима рожаются смоквие, и масличие, и рожцы², и яблоки и инная всякая овощная дресеса» (стр. 27).

Подробно описывает Даниил путь, совершенный им от Иерусалима до р. Иордан, отмечая, что по дороге «погании ж мнози приходят, и избивают христиан в горах и дебрех страшных» (стр. 28). Рассказывает Даниил и о животном мире близ Иордана. «Звери мнози живут: ту есть свиния дивия, без числа много и пардуси (т. е. леопарды — *Б. Д.*) мнози ту суть. Львове ж есть обон пол Иордана в горах каменных...» (стр. 31).

В ярких красках дано описание Содомского (Мертвого. — *Б. Д.*) моря, хотя сам Даниил не посетил моря боязни ради «поганных» и дает его с чужих слов: «Море ж то Содомское мертво есть, и не имать ничтож в себе животна: ни рыбы, ни рака

¹ Вероятно описки в списке, так как в других списках «стенами же всеми тверд окачен: или «всем окачен», т. е. «весь стенами округлен, окружен».

² «Рожцы» — турецкие рожки (плод).

нисколько; но аще быстрина Иорданская внесет рыбу в море, то не может жива быть ни мала часа, но вскоре погибает. Исходит бо из дна моря смола черна и плавает та смола с верха воды а смрад же исходит из моря того несказан» (стр. 37).

Даниил путешествовал по Палестине в то время, когда там правил Болдуин, король Иерусалимский (1100—1118); он упоминает о военных действиях между фрягами (т. е. крестоносцами) и сарацинами (т. е. арабами). Русскому путешественнику пришлось побывать и у тех и у других, так как он сопровождал Болдуина в одном из походов этого короля на Дамаск. В обоих лагерях к Даниилу отнеслись дружелюбно, и он сам, хотя и называет сарацинов — «погаными», относится к ним без всякого пренебрежения и нетерпимости. Обратный путь к Царьграду и далее на Русь Даниил не описывает.

Даниил путешествовал не один — он упоминает и о своей дружине, и о русских, встреченных им в святой земле: «Мне же худому Бог послух... и вся дружина моя, Русские сынове, приключившаяся тогда, и Новгородци, и Кияне, Седеслев Иванкович, Городислав Михайлович, и Кашкич два и ини мнози, иже то сведают о мне» (86).

Путешествие Даниила является замечательным свидетельством интереса к отдаленным странам в древней Руси. Этот памятник дает много сведений о восточной части Средиземного моря и Палестине. Особого упоминания заслуживает высокий патриотизм Даниила. В далеких землях он рассматривал себя как представителя всей русской земли и подчеркивал именно в этой связи особые знаки внимания, оказываемые ему и арабами и крестоносцами. Он приводит свои слова, обращенные к Болдуину:

«Молю ти ся Бога деля и Князей деля русских; хотел бых и аз поставить кандило свое на гробе Святем Господнем от всея Русския земли и за вся Князи наши, и за вся христиане Русския земли» (стр. 80). Болдуин также видел в нем не просто паломника и оказывал ему особое внимание как представителю русского государства, ясно показывая, что «Русь действительно знали во всех концах земли. И не только знали, но и признавали»¹.

С особой гордостью Даниил отмечает в конце своего «хождения»: «Бог тому послух и святой гроб Господен, яко во всех сих местех святых не забыл имен Князей Русских, и Княгинь их, и детей их, ни епискип, ни игуменов, ни бояляр, ни детей моих духовных, ни всех христиан, ни коли же не забыл есмь, но везде поминал есть» (стр. 89).

¹ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 336—337.

После Даниила в течение XII в. нам не известно ни одного путешествия на Восток, описания которого дошли до нас; тем не менее, несомненно, подобные путешествия совершались не раз.

Так, летопись сообщает, что в Константинополь была выдана замуж дочь Володаря (6612—1104) — «Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Царюгороду»¹, и в том же году отмечает приход на Русь митрополита Никифора. Можно с уверенностью предположить, что в обоих случаях ездила и большая свита.

Под годом 6653 (1145) летопись отмечает поездку в Константинополь митрополита Михаила из Киева². Не останавливаясь на многочисленных поставлениях митрополитов, всегда сопровождавшихся или приездом грека, поставленного на митрополичий престол из Константинополя в Киев, или, наоборот, поездкой русского кандидата из Киева в Константинополь и обратно, о которых неоднократно упоминает летопись, — отметим некоторые другие путешествия.

За время между 1145 и 1163 гг. в летописи сообщается о доставке в Киев двух икон из Константинополя, а также упоминается, что в Византию был отправлен архиепископ Новгородский Нифонт, — но, очевидно, поездка эта не состоялась³; под годом 6672 (1164) отмечается суд в Константинополе над Суздальским епископом Леоном по обвинению его в еретичестве. На суде присутствовали послы Киевский, Суздальский, Переяславский и Черниговский⁴. В следующем же году (6673) летопись отмечает, что Ярослав послал в Константинополь епископа Кузьму и «лучших мужей» своих. Отправлены они были вместе с прибежавшим оттуда «братаном царевым Андроником»⁵. К концу последней четверти XII в. относится легенда о путешествии в Византию и Палестину полоцкой княжны, дочери полоцкого князя Георгия Всеславича, Предиславы (в монастыре Ефросинии) с братом и родственницей.

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 119 (Лаврентьевская летопись).

² ПСРЛ, т. I, стр. 136 (Лаврентьевская летопись).

³ В Новгородской летописи. В лето 6664... Той же весне преставися архиепископ Нифонт, априля в 21 дня бяше Киеву противу митрополита, инии же мнози глаголаху, яко получив святую Софию пошел Царюграду. (ПСРЛ, т. III, стр. 12. Новгородская первая летопись).

⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 150 (Лаврентьевская летопись).

⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 93 (Ипатьевская летопись): «Прибеже из Царягорода братан царев кюр Андроник к Ярославу у Галич, и прия и Ярослав с великою любовью... потом же присла царь два митрополита, забя и к собе, Ярослав же пусти к нему с великой честью, приставив к нему пискупа своего Кузьму и мужа своя передняя».

Легенда об ее странствовании, имеющаяся в «Минее Четье», «Прологе» и «Степенной книге», была опубликована Сахаровым¹.

Мы привели далеко не полный перечень, свидетельствующий о том, что не малое количество русских людей побывало в XII в. на Ближнем Востоке. Хотя до нас не дошло никаких сведений о том, что видели и где побывали многочисленные путешественники, но можно ли сомневаться, что, возвращаясь из своих дальних странствий, все они рассказывали своим современникам о виденном, расширяя тем самым круг их представлений о странах Ближнего Востока.

Весьма интересный рассказ о посещении Константинополя новгородцем Добрыней Ядрейковичем сохранился в нескольких русских летописях. Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Новгородский Антоний, пробыл в Константинополе с 1200 по 1204 г. Свое путешествие он описал уже после принятия монашества и избрания архиепископом Новгородским в 1212 г.²

О своем пути в Константинополь он ничего не говорит, но его «книга паломник» содержит интересное описание этого города до разграбления его крестоносцами. Описание было настолько подробным и тщательным, что привлекло внимание археологов, переведших его на французский и латинский языки. Большую ценность имеют сведения автора-очевидца о Софийском храме и его сокровищах, впоследствии разграбленных крестоносцами. В Константинополе внимание путешественника привлекли также ипподром («подромия»), бани и водопровод. «И баня патриархова на полатах. Воды же по трубам возведены, а другая дождевая» (стр. 23). Упоминает Добрыня и о «Коневои торге» (стр. 23), т. е. о форуме Константина, называет несколько раз города Хрисополь и Калиполь, но трудно сказать, посетил он их лично или же описывает находящиеся там святыни с чужих слов. Путешествие Добрыни Ядрейковича интересно деталями, дополняющими более ранние сведения о сношениях между Русью и Византией. Он упоминает о том, что видел в Софийском соборе золотое блюдо, поднесенное княгиней Ольгой (стр. 3), что он встретил в 6708 г. в Кон-

¹ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 91—94.

² Книга паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году. «Православный палестинский сборник», том XVII, вып. 3, под ред. Лопарева или «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия». С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872 (ссылка на стр. в скобках по книге паломник).

стантинополе людей из русского посольства великого князя Романа (Галицкого). Об этом посольстве Романа Мстиславовича Галицкого, защищавшего греческую империю от половцев во Фракии в 1203 г. (стр. 15), ничего не говорят другие источники. Далее Добрыня Ядрейкович упоминает о могиле попа Русина, трижды ходившего в Иерусалим.

От первой четверти XIII столетия дошел до нас и другой письменный памятник — описание путешествия киево-печерского архимандрита Досифея на Афон¹.

Затем в письменных сведениях о русских путешествиях на Восток наступает перерыв в полтора столетия. Это было тяжелое время монголо-татарского нашествия на Русь и захвата Византии крестоносцами. Все же в летописях упоминаются некоторые факты, свидетельствующие о неоднократных поездках в Константинополь духовных лиц. В большинстве эти путешествия были связаны со сменой митрополитов.

Кроме поездок церковных иерархов совершались также и паломничества мирян. В описании столкновения между русскими и татарским баскаком где-то в Курской области, в 1283 г., летописец прямо называет русских паломниками².

К числу паломников конца XIII и начала XIV вв. принадлежит новгородский священник Григорий, впоследствии ставший известным новгородским архиепископом Василием. Этот архиепископ в послании о «земном рае» упоминает о своем путешествии в «святую землю»³. Он не оставил записи о своем путешествии. Другой новгородец, Стефан, с восемью товарищами посетивший Константинополь около 1350 г., описал свое пребывание там⁴. В отличие от более ранних паломников Стефан относительно меньше внимания уделяет святыням — его привлекают памятники искусства, архитектура, бани и торговые площади.

«В этих записках находим описание тогдашних Константинопольских замечательностей, с подробностями, превосходно характеризующими дух того времени, как в Константинополе, так и в Новгороде. Стефан упоминает и о встрече со своими земляками, проживавшими в Константинополе»⁵.

¹ История Русской церкви Макария, арх. Харьковского, т. III, СПб., 1868, стр. 201—203.

² Л. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1890, стр. 41—42; Также ПСРЛ (Лаврентьевск. летопись), т. I, стр. 206.

³ Л. Майков. Ук. соч., стр. 42.

⁴ См. И. Сахаров. Ук. соч., т. II, кн. 8, «Странник Стефана Новгородца», СПб., 1849, стр. 50.

⁵ И. Д. Беляев. Ук. соч., стр. 43.

Описание Константинополя Стефан начинает со столпа Юстиниана и храма Софии, отмечая при этом встречу и беседу с патриархом Исидором и указывая, что патриарх «вельми любит Русь» (стр. 51). Сильное впечатление на Стефана Новгородца произвела внутренняя гавань Константинополя, а также византийский флот... «ту стоят дивно врата градныя, железныя, решетчатыя, велики вельми; теми бо враты море введено внутрь града. И коли бывает рвение морю, и ту держат карабли катархи до трехсот; имеют же катархи весел 200, а иные 300 весел. В тех судах рать по морю ходить; а ож будет ветер, и они тогда не могут бежать, зане бо ветром ся гонят, а корабль стоит и погоды ждет» (стр. 53).

При посещении Студийского монастыря, в Константинополе, Стефан Новгородец отмечает весьма важный факт: «Из того бо монастыря в Русь посылали много книг» (стр. 53).

Рассказывая о встрече в монастыре со своими земляками, новгородцами Иваном и Добрилой, Стефан говорит, что они «ныне живут туто, списаючи в монастыре Студийском от книг святого писания, зане бо искусни зело книжному списанию» (стр. 54). Списывание книг, а, возможно, и перевод их на русский язык, в Константинополе производилось и раньше, как это отмечалось выше.

Ко второй половине XIV в. (повидимому к 70-м годам) относится хождение архимандрита Агрефения (или Грефения) из Смоленска¹. Агрефений отправился из Москвы через Тверь.

Он добрался до Аккермана (Белгород), а оттуда в Константинополь. Агрефений также посетил Александрию, Каир, Дамаск, Иерусалим, Антиохию. Описаний городов он не дает, но приводит сведения по сельскому хозяйству; рассказывает, что на острове Стихиа «ражается мастикая» (стр. 1), на Кипре — много сахара (стр. 2). «Рамле село велико, торьг в нем силенъ» (стр. 2), в Галилее «орють, сеють пшеницю и ячмен промежоу масличья и мигдалов» (стр. 2), т. е. миндальных деревьев. Рассказывая об Иордане, автор также отмечает: «Тоу ражаются многа овощья, яблока райская, дыни, наранъзи и сахар» (стр. 16). Он говорит также, что вблизи Хеврона (в Палестине) арабы делают много стекла.

К 1376—1389 г. относится несколько поездок на Восток, связанных с вопросом о замещении митрополичьей кафедры

¹ См. «Хождение архимандрита Агрефения, около 1370 г. «Православный палестинский сборник», 48, вып. (т. XVI, вып. 3) под ред. архимандрита Леониды. СПб., 1896 (ссылка на стр. в скобках); см. также: «Русский филологический вестник», 1884, № 4; 1885, № 1, статья Я. И. Г о р ж а н с к о г о «Хождение архимандрита Грефения в св. Землю».

после смерти митрополита Алексея, о чем упоминается в летописях. Именно в это время, уже не в первый раз, имели место серьезные разногласия между Москвой и Константинопольским патриархом по вопросу о кандидате в московские митрополиты. Великий князь Дмитрий Иванович (Донской) настойчиво стремился поставить в митрополиты своего русского кандидата. Эти споры между Москвой и Константинополем находили отражение и в среде духовенства в России. В связи с этим вопросом было совершено несколько поездок в Константинополь, например, в 1379 г. — Митяя¹, умершего на пути между Кафой и столицей Византии и похороненного в Галате. Вместе с ним ездил и Пимен, поставленный в митрополиты (1383). Пимен ездил в Константинополь еще два раза — в 1385 и 1389 гг.² В последнюю поездку он умер в Константинополе.

С последней поездкой Пимена и связано, получившее широкую известность в литературе, так называемое «Пименово хождение», автором которого является находившийся в посольстве Пимена Игнатий, по прозвищу Смольнянин, описавший все путешествие в Византию и свое паломничество в Иерусалим. В. В. Бартольд, упоминая об этом хождении, ошибочно указывает, что Пимен трижды ходил в «святую землю»³. В действительности Пимен в Палестине не был вовсе, а ездил три раза только в Константинополь.

Пимен дал Игнатию такое указание: «Писати сего путешествование все, како поидоша и где что случися или кто возвратится или не возвратится вспять» (стр. 97). Это очень ценная и любопытная деталь. Даниил и Добрыня Ядрейкович, Стефан Новгородец и др. описывали все, что видели, что привлекало их внимание. Вряд ли они заранее ставили перед собой задачу — описать путешествие, когда они выезжали с Руси. Иное дело — Игнатий Смольнянин. Перед ним была поставлена определенная цель, и он с успехом справился с порученным ему делом.

Записки Игнатия Смольнянина⁴ состоят из нескольких разделов — путевых записей от Москвы до Константинополя,

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 30—32 (Воскресенская летопись). С Митяем, кандидатура которого поддерживалась великим князем, ехала огромная свита из нескольких архимандритов, игуменов и др., а также весь клир Владимирской соборной церкви и много слуг, «и бысть их полк велик зело».

² ПСРЛ, т. IV, стр. 91 и 96 (Новгородская четвертая летопись).

³ В. В. Бартольд. История изучения Востока. Л., 1925, стр. 170.

⁴ И. Сахаров. Сказания русского народа, кн. 8. «Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим», СПб., 1849, стр. 92 и далее

рассказа об Амурате (включенного не во все издания и, очевидно, Игнатию не принадлежащего, а присоединенного позже), описания церемонии коронования императора Мануила и сведений о путешествии «по святой земле».

Посольство выехало из Москвы 13 апреля 1389 г. и прибыло в Константинополь 29 июня. Его путь лежал через Азов и Черное море. Во время плавания по Черному морю кораблю пришлось зайти в Синоп, укрываясь от встречных штормовых ветров. «Таже в пятый день в четверток возвея ветер супротивен зело, и поведе нас по морю в левую страну к Синопу граду и впадохом в Лимен близ града Синопа. И нецыи из града Синопа излезше, посетиша нас и пищу и вином угостивши добре, и тамо пребыхом два дни» (стр. 98). Это первое, отмечаемое нашими путешественниками, посещение малоазиатского побережья.

Далее русские путешественники плыли вдоль побережья, имея по левую сторону от себя, на юге, горы Понтийского Тавра, о которых Пимен сообщает: «бяхуж тамо горы высоки зело, и половину убо тех гор закрывахусь облацы, преходяще по воздуху» (стр. 99). На пути из Синопа из-за бурь путешественники принуждены были пятнадцать дней провести в Пандераклее (Эрегли), затем остановились у устья реки Сакарья и после этого оказались в Астравии, вблизи устья Босфора. Здесь-то они и услышали о столкновении турецкого царя с сербским царем Лазарем (речь идет о битве на Коссовом поле). «...Приидохом во град Астравию и тамо пребыхом и пытающе вестей о Амурате царе: бяше бо царь Амурат Турский пошел ратью на сербского царя Лазаря»¹ (стр. 99). Об «Амурате царе» они слышали раньше, так как специально «пытали» вести о нем. Из Астравии, минуя Риву и Филию, вошли в устье Босфора. Описывая пребывание в Константинополе, Игнатий прежде всего рассказывает о встрече в день приезда с проживавшими там русскими: «... «приидоша к нам Русь, живущая тамо. И бысть обоим радость велия» (стр. 100). Об этой встрече проф. Тихомиров пишет: «Русская колония в XIV веке, видимо, находилась в северной части Константинополя, в непосредственной близости к Золотому Рогу... Отсутствие указания на духовенство среди там «живущей Руси» показывает, что встречу московским гостям организовали не духовные, а светские лица.

(ссылка на стр. в скобках). См. также «Православный палестинский сборник», 12 вып. (т. IV, вып. 3). «Хождение Игнатия Смольнянина» под ред. Арсеньева. СПб., 1887.

¹ Пимен был в Астравии в конце июня, примерно через две недели после битвы (15 июня 1389 г.).

Вероятно, это были купцы, осевшие в Византии и не порвавшие еще связей со своей родиной¹.

Игнатий не ограничился только описанием города, но дал также и некоторые сведения о происходивших в то время в Константинополе событиях, а именно о столкновении двух враждовавших между собой групп — императора Иоанна и Мануила. От его внимания не ускользнуло, что Иоанн (он его называет Колоан, Андроников сын) «нача искати в Царьграде царства с турецкой помощью». Это весьма ценное свидетельство характеризует обстановку в Византии.

Игнатий подробно описал торжественную церемонию коронации Мануила в Софийском храме, отметив при этом некоторые бытовые особенности. Он сообщает, что женщины находились в храме отдельно от мужчин, подробно рассказывает об одеждах византийцев и присутствовавших на церемонии коронации иностранцев, о царском шествии, продолжавшемся три часа и т. д.

Игнатий не сообщает подробностей о своем путешествии в Иерусалим, и глава, ему посвященная, содержит лишь описания религиозных достопримечательностей, составленные в манере обычного паломнического хождения.

Почти в одно время с Игнатием в Константинополе побывал дьяк Александр, приезжавший по торговым делам² «Аз дьяк Александр приходихом куплею в Царьград». «Сказания» дьяка Александра о святынях Константинополя отмечаются летописью³. Совершил ли дьяк Александр путешествие в Константинополь самостоятельно, или он находился в числе лиц, сопровождавших Пимена, — вопрос невыясненный. Во всяком случае, упоминания о некоторых фактах, сообщаемых Александром, имеются и у Игнатия. Дьяк Александр описывает только Константинополь. Как бы дополняя сообщение Игнатия о турецкой помощи Иоанну, он отмечает: «Приходил царь Калачан Андроников сын с туркы ко Царюграду; и выехал царь Мануил с Греци и с Фрязы, и прогонил Туркы» (стр. 72).

В XIV в. на Руси многое было известно о положении в восточных странах, не только по слухам, но и со слов очевидцев. Это видно из летописных рассказов о различных событиях, в частности, из сообщений о завоеваниях Тимура: «...О сем убо Темир Оксаце поведаша... Темир бо зовется железо, а Аксак хромель». Среди покоренных им стран и городов называются

¹ М. Н. Тихомиров. Византия и Московская Русь. «Исторический журнал», № 1—2, 1945, стр. 9.

² И. Сахаров. Ук. соч., т. II, кн. 8, стр. 71—72.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 101, 357—358 (Прибавления).

(под 6903 г.) «...Савас, Арзунум..., Тевризий..., Багдат..., Асирия, Вавилонское царство..., Севастия, Армения»¹.

Московские князья давно уже знали о тяжелом положении византийских императоров, призрачная власть которых к концу XIV в. ограничивалась по существу, одним Константинополем. В Москве было известно об осаде Византии Баязидом, о чем в летописи (под 6905 г.) говорится так: «Царь Турский Бааз, Амуратов сын, пришед остуши Царьград со многими силами, и по морю и по суху, и стоя 7 лет, но не взя его; а прочая грады Греческие поплени»² и «Злочестивый царь Турский, сын Амуратов, брат Чалибеев, именем Баазыть, събра вой многы, и пришед город остуши с все стороны, и пути переа по морю и по суху, и стоя под городом 7 лет, надеяся взяти его, а прочия окрестныя многы грады и страны Греческия взяша и поплениша»³.

В это тяжелое для Византии время русские князья, в том числе великий князь Дмитрий Иванович, в 1398 г. послали к императору и патриарху много серебра с чернецом Родином Ослебятею, отправил деньги также и тверской князь Михаил Александрович с протопопом Даниилом⁴.

К концу XIV или началу XV в. относится сказание Епифания о пути в Иерусалим. Очевидно, Епифаний совершил путешествие лично⁵.

От побывавших на Востоке лиц дошли до летописца слухи о разгроме Тимуром турок под Анкарой в 1402 г.: «Того же лета (6909 г.) царь Темир Аксак посла сына боронити Царяграда; он же бив турки возвратися»⁶.

Сражение под Анкарой на 50 лет отсрочило падение Византии, положение которой продолжало однако все это время оставаться весьма тяжелым. В этих условиях укрепление связей с Русью было для византийских императоров важной задачей. Одной из форм укрепления этой связи явился брак дочери великого князя Василия Дмитриевича Анны с царевичем Иваном Мануиловичем, о котором сообщает летописец под 6919 г. «И князь великий Василей Дмитриевич да свою дочь Анну

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 124—125 (Софийская вторая летопись) и т. VIII, стр. 65 (Воскресенская летопись).

² ПСРЛ, т. VI, стр. 130 (Софийская вторая летопись).

³ Там же, т. VIII, стр. 71 (Воскресенская летопись).

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 71; ПСРЛ, т. VI, стр. 130 (Софийская летопись).

⁵ Об этом сказании упоминает в своей статье С. Пономарев. «Сборник Отделения русского языка и словесности». Изд. Академии Наук, т. 17, № 2, СПб., 1877, под № 32, стр. 5.

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 131 (Софийская вторая летопись).

в Царьград за царевича Ивана Мануиловича»¹. Карамзин на основании византийских известий относит этот брак в 1414 г.²

В свите Анны, сопровождавшей ее в Константинополь, находился инок Троице-Сергиевского монастыря Зосима. Это было его первое путешествие на Восток. Второе путешествие он совершил в 1419—1420 г., описание этого путешествия сохранилось³.

Путь Зосимы пролегал из Москвы через Киев, далее на Белгород (Аккерман), затем морем до Константинополя. После Константинополя, подробно им описанного, он отправился на Афон, затем через Хиос в Иерусалим, куда прибыл в апреле 1420 г., и через год снова вернулся в Константинополь, где прожил несколько месяцев. Зосима был последним русским путешественником, оставившим описание Константинополя при византийских императорах. Через тридцать лет после его пребывания там город был захвачен турками. Описание Зосимы отличается исключительной полнотой.

Зосима останавливается не только на «святых местах» Константинополя. Он рассказывает о многих достопримечательностях города: о конной статуе Юстиниана, об ипподроме, о медном витом столпе со змеиными головами. Он сообщает о своем посещении могилы царицы Анны, сопровождая которую он побывал в Константинополе за несколько лет до своего второго путешествия. Зосима отметил, что «Царьград стоит на 3 углы, 2 стены от моря и 3-я от Западу, приступ ратных» (стр. 9). На противоположной стороне, которая «зовесь Скутарь место», находилось, по словам русского путешественника, — торговщице, где «сѣежаюсь Турчане, а с сея страны Греки и Фрязове и торгуют между собою» (стр. 10). Это сообщение, свидетельствующее о торговых отношениях между турками и жителями Византии, указывает на то, что византийцы избегали впускать турок в Константинополь для торговли.

По пути к Афону Зосима описывает острова Мармара: «в сем острове цариградци колют мрамар и мостят церкви и полаты во Царе-граде» (стр. 11).

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 113 (Новгородская летопись).

² Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1817, т. V, стр. 493 (примеч. 231), стр. 217.

³ «Хождение инока Зосимы». Под ред. Лопарева. «Православный палестинский сборник», 24 вып. (т. VIII, вып. 3), СПб., 1889 (ссылка на стр. в скобках). См. также «Книга глаголемая Ксенос сиречь странник, Зосимы дьякона о пути Иерусалимском до Царяграда и до Иерусалима в сборнике И. Сахарова «Сказания русского народа».

Среди перечисленных им названий двадцати двух монастырей на Афоне имеется и русский монастырь святого Пантелеймона (стр. 11). После Афона Зосима посетил Салоники. Из Салоник, на пути в Иерусалим, он остановился на о. Хиосе. Зосима указывает, что на Хиосе правит венецианский капитан («сиречь князь от Зены великия») (стр. 13).

Высадившись на палестинском берегу, путешественник с большими трудностями дошел до Иерусалима. Он объясняет эти трудности «злых ради арабль». Нападением со стороны арабов он подвергался не один раз. Около Мертвого моря напавшие на него арабы нанесли ему увечья: «Найдоша на ны злыи Араполевы и возложиша на мя раны доволны и оставиша мя в полы мертва, отъидоша во свояси» (стр. 20). Из Палестины, через Яффу, Зосима отплыл на Кипр, отметив, что столицей его является «град великий стольный Левкусия». Островом правил католический (фряжский) «рига, сииречь князь». На острове, сообщает Зосима, «родится сахар и рожки» (стр. 23—24).

Заслуживает упоминания приведенный Зосимой список подчиненных Египетскому султану округов и имена владельцев в Египте и в Дамаске. Акад. И. Ю. Крачковский указывает, что «приведенные у Зосимы имена египетских и дамаских правителей, равно как список подчиненных Египту округов говорят о большой точности сведений. «А во Египте султан, сиречь царь, имя ему Тотар, а в Дамаске Цембак»; не трудно догадаться, что в первом надо видеть мамлюкского султана аз-Захира Сейф ад-дина Татара, а во втором — одновременного ему правителя Дамаска Чакмака¹.

На пути от Родоса к острову Лесбос корабль, на котором плыл Зосима, подвергся нападению пиратов. Зосиму ограбили «во едином сукманце оставиша». От Лесбоса Зосима отплыл в Константинополь и оттуда — на родину. О последнем этапе своего путешествия Зосима ничего не сообщает.

«Ксенос» Зосимы отражает разнообразие интересов русского путешественника. Он говорит о сборе путевых пошлин на границах, рассказывает о крепостных стенах Константинополя, приводит некоторые сведения исторического характера, останавливается на обрядовой стороне христианских вероисповеданий. Зосима сообщает о виденном им в путешествии: «и видехом землю и горы, их же есмы и в писании не слышах, и ходихом по Лукоморью». Из этих слов можно сделать вывод, что путь в Палестину в XV в. нашим предкам был уже знаком

¹ Акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 18.

по книгам: что они изучали маршрут еще дома, а во время самого путешествия преимущественно старались посещать места, уже известные по описаниям, прочитанным в книгах; их занимала география, по крайней мере, тех мест, с которыми были связаны легенды о земной жизни Христа¹. Конечно, интересы путешественников на самом деле были гораздо более широкими. Ведь Зосима сам рассказывает, что с ним вместе из Киева отправились купцы, шедшие на Буг, Днестр и даже к Черному морю; да и сам Зосима интересовался далеко не только «святыми местами» и легендами. После путешествия Зосимы многочисленные поездки по делам митрополии в Константинополь не прекращались до самого взятия его турками.

В 1448 г., за пять лет до захвата Константинополя турками, собор русских епископов поставил в митрополиты Иону, епископа рязанского, все же получившего утверждение в Константинополе. После 1448 г. в Москве не было больше греческих митрополитов, и «поставление» их происходило без участия Константинополя. Этот факт отмечает летописец: «Сего же Иону митрополита поставиша на Москве архиепископы и епископы, по благословению патриарха Цареградского: ходил бо сей Иона в Царьград и взя благословение у патриарха, и от сих мест начаша ставити митрополитов на Москве, к Царюграду не ходя; обладал бо быше Царемьградом Турский царь, и царя уби, и пути не дасть, и поча царствовать в нем»². Запись летописи относится к 6969 (1461 г.), т. е. спустя 8 лет после захвата Константинополя турками. Самый захват города турками — огромное историческое событие — конечно, был отмечен летописцами много раньше.

Взятие Царьграда нашло свое отражение в замечательном документе, так называемой летописи Нестора Искандера «Повесть о взятии Царьграда» — несомненно, написанном очевидцем. Рассказ ведется от имени участника осады Константинополя, служившего в турецких войсках. Не подлежит никакому сомнению, что автор был христианином, который попал в плен к туркам «и отурчился». Происхождение его с точностью не установлено, неизвестно, был ли он русским или греком³.

¹ См. И. Д. Беляев. Ук. соч., стр. 200, 201.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 149 (Воскресенская летопись).

³ ПСРЛ, т. VIII (Воскресенская летопись), стр. 128—144; Памятники древней письменности и искусства — «Повесть о Царьграде (о его основании и взятии Турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV века». Сообщил арх. Леонид. СПб., 1886; рецензия Г. Де Стуниса. «Новоизданный список повести о Царьграде» (ЖМНП, февраль 1887, ч. 249, стр. 366—387); История русской литературы, т. II, ч. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 222—223.

Взятие Константинополя не ослабило, а скорее усилило интерес к Востоку в Москве, где отчетливо поняли опасность, которую представляла для Руси агрессия турецкой державы, особенно с момента подчинения ею своему влиянию в 1475 г. разбойничьего гнезда крымских ханов.

Интерес на Руси к событиям и обстоятельствам, связанным с утверждением власти турок на Балканском полуострове, существовавший еще и до падения Константинополя, нашел свое «литературное отражение как в общерусских сводах, так и в специальном обзоре мировой истории, в Хронографе, основа которого была составлена на Руси сербом, по русскому заказу, вероятно, в 1442 году»¹. Интерес к Востоку после взятия Константинополя турками проявлялся не только со стороны официальной Москвы, но также и со стороны духовенства и торговых людей. Еще до отправки в Турцию первого русского посольства было совершено туда несколько путешествий. До нас дошло описание путешествия гостя Василия, свидетельствующее об оживленной торговле с пунктами, находящимися в глубине Малой Азии. Гость Василий², посетивший Малую Азию, Сирию и Палестину в 1465—1466 гг., начинает рассказ о своем путешествии с Бруссы (повидимому, он уже побывал и в Константинополе, так как сравнивает с ним Бруссу), откуда он добрался до Каира, пройдя через ряд малоазиатских и сирийских городов³.

В Каир он прибыл 18 декабря 1465 г., через сто дней после выхода из Бруссы. Пробыв в Каире до 14 января 1466 г., он направился в Иерусалим и вернулся в Бруссу в конце апреля — начале мая 1466 г. Его путь от Бруссы шел сперва на Восток, почти параллельно берегу Черного моря, и затем уклонился к югу. Обратно из Иерусалима, от Алеппо он проследовал через Адану, Конью, Акшеир, Карахиссар. Таким образом, в течение своего восьмимесячного путешествия Василий побывал почти во всех малоазиатских городах. Он описал их местоположение, реки, протекающие через них, оросительные системы, бани, торговые площади, караван-сарай, своеобразное устройство городов. Его внимание привлекали и городские укрепления: стены, железные ворота, стрельницы, рвы и т. п. Для примера приведем его описание города Айнтаба: «А той град стоит на ровном месте, гора высоко сыпана, да камением обму-

¹ История русской литературы, т. II, ч. 1, Изд. АН СССР, стр. 170.

² «Хожение гостя Василия 1465 г.—1466 г.». Под ред. арх. Леонида. «Православный палестинский сборник», 6 вып. (т. II, вып. 3). СПб., 1884 (ссылки на стр. «Хожение» даны в скобках).

³ Этим путем русские путешественники шли впервые.

рована, да три врата железнаа, да бой из неа и с тощиа стены велик, а пасада велик, а палаты и бани велми хороши, а торгов много, а хороши велми; да из рва того ис тощова стрельницы великиа» (стр. 3—4).

Описывая Шаму (Дамаск) и ошибочно называя реку, протекающую через город, не Барадой, а Ефратом, он указывает: «Река великы Ефронт сквозе его идет, да разведена подо все дворы и торги, и по улицам и по кермансарам, да таже река въведе по селам и пашням, торгов много и бань велми» (стр. 6).

О Каире Василий пишет: «Египет (т. е. Каир.— Б. Д.) град велми велик, а в нем 14 тысящ улиц, да по всякой улице по двоа врата и по две стрельницы, да по два стража, которые зажигают масла на свещнице: да в иных улицах домов 15 тысящ, а в иных улицах до 18 тысящ дворов, дана всякой улице по торгу великому, а улица с улицей не знается...» (стр. 8). Характерно отметить, что гость Василий, оставивший живые, яркие и достоверные описания городов и их жизни, допустил некоторые неточности в сообщениях о «святых местах», посещенных им в Иерусалиме и в некоторых других местах Палестины. Это свидетельствует, что русским путешественником руководили интересы «мирского характера».

В середине же XV в. дважды совершил путешествие на Восток инок Варсанофий (в 1456 г. и в 1461—1462 гг.). Он посетил не только Константинополь, Палестину, Египет, но побывал и на Синайской горе¹.

Варсанофий уделял внимание, главным образом, тем местам, с которыми связаны христианские легенды. С этой же точки зрения его интересовала и топография Иерусалима. Однако иногда он рассказывает и о природе, о животном мире. Так, например, он сообщает кратко о виденных им финиковых пальмах: «виде же древеса, на них же растет мед дивий, и иных дрeves много виде, их же имена, свем» (стр. XXX)². Есть у него и упоминание о «лютом звере», которого он также сам видел (вероятно этот «лютый зверь» был крокодилом).

Варсанофий, первый из русских путешественников, побывавших на Синае. Путь из Каира к Синаю он описывает так: «И поидохом на гору Синайскую. Бе бо мног карован собрався:

¹ Н. С. Тихонравов. Хождение в святую землю инок Варсанофия в 1456 г. Оттиск из «Археолог. изв. и зам.», № 11, М., 1893.

² «Хождение священноинок Варсанофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 гг.». Под ред. С. О. Долгова. «Православный палестинский сборник», вып. 45, т. XV, вып. 3. М., 1896 (ссылки в тексте даны в скобках).

десять тысящ велеблюдов и людей много; идохом 15 дней, путешествуя от Египта до Синайския горы и до горы Хоривския, великия и высокия» (стр. XXXV).

В северо-восточном углу Малой Азии побывал тверитянин Афанасий Никитин, совершивший свое знаменитое путешествие, известное под названием «Хождение за три моря». Афанасий Никитин прибыл в Малую Азию на обратном пути из Индии¹. Он прибыл в Тавриз, этот древний узел караванных путей, бывший крупнейшим перевалочным пунктом грузов караванной торговли переднего Востока. Тавризом в то время владел Узун Хасан, глава туркменских племен Ак Коюнлу (Белобаранный) или Хасан-бек. Афанасий Никитин упоминает, что из Тавриза он пошел в орду Хасан-бека, «так как пути никуда не было» (стр. 73), ибо «на турецкого султана послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас, да и Токат взяли и пожгли, Амасию взяли и пограбили там много сел». Из этой орды, через Эрзинджан, Афанасий Никитин направился в Трапезунд². Трапезунд находился во власти турок-османов, враждовавших с туркменами Ак Коюнлу, и когда Афанасий Никитин прибыл в этот город, турки его там обыскали, надеясь найти «грамоты». Из Трапезунда А. Никитин морем отправился в Кафу. После пятидневного плавания он достиг мыса Ванада, откуда из-за сильной бури вернулся в Платану, где простоял 15 дней.

Итак, уже к концу XV в. русские посетили многие страны Ближнего Востока и накопили о них значительные сведения. Не только Константинополь, «святая земля» — Палестина, но и Малая Азия, часть Египта и Сирия были им довольно хорошо знакомы. В. В. Бартольд был неправ, когда писал: «Как в Византии и западной Европе того времени, так и в России единственной страной Востока, представлявшей интерес для образованного общества, сделалась Святая Земля... Путешествия совершались морским путем через Константинополь³. На самом же деле, как мы видели, не только «святая земля» была

¹ Мы пользуемся изданием «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

² Афанасий Никитин пишет, что он из орды пошел к Арцицину (Эрзинджан) и затем в Трапезунд. Составители комментария не отмечают, что древнейший путь к Трапезунду, так сказать проторенная дорога, «генуэзская», ведет не из Эрзинджана, а из Эрзерума в Трапезунд. Никитин, таким образом, выбрал иной путь, или, быть может, ошибочно называет Эрзерум—Арцицын?

³ В. В. Бартольд.] Ук. соч., стр. 169.

посещена русскими людьми, и ездили они не только морским путем через Константинополь. Уже Зосима шел через Молдавию и Валахию, а гость Василий во время своего путешествия пересек всю Малую Азию.

Во многих землях Ближнего и Среднего Востока побывали русские люди, и нет ничего удивительного в том, что в некоторых литературных памятниках обнаруживаются подлинные знания географического положения отдельных стран Востока. К таким памятникам принадлежат, в частности, заметки «О землях за Араратом», сохранившиеся в литературном сборнике XVI в., но относящиеся к XV в.

В конце XV в., в 1493 г., в Египте побывал казначей великого князя Михаил Григорьев, впоследствии первый великокняжеский дьяк в Пскове (1510—1528), один из образованнейших людей московской Руси¹.

В период с конца XV до конца XVII в., наряду с путешествиями отдельных духовных и светских лиц, происходили и неоднократные поездки официальных дипломатических посольств и отдельных гонцов в страны Ближнего Востока. С этого времени одним из важнейших источников изучения Османской империи становятся многочисленные официальные документы Московской Руси, опубликованные до сих пор лишь частично. Из них наиболее интересными являются «статейные списки», знакомящие нас не только с внешнеполитической стороной взаимоотношений России с Турцией, но и с событиями внутренней ее жизни и турецким бытом. В статейных списках содержатся также некоторые сведения по вопросам экономики и географии Турции².

¹ Акад. И. Ю. Крачковский. Ук. соч., стр. 18.

² В государственном архиве древних актов СССР хранятся документы Посольского приказа по дипломатическим отношениям между Россией и Османской Империей. Опись 89/1 включает «Турецкого двора делам, грамотам и ратификациям реестры, вновь учиненные Николаем Батыш Каменским» (1805). В этих делах из так называемого «старого архива» дана выписка всем происходившим между Россией и Турцией отношениям с 1512 по 1700 г., в которой отмечены отправления в Турцию послов и гонцов. Выписка из реестра Турецкого двора старых лет отмечает посольства с 1426 по 1512 г. Посольские книги и статейные списки — турецкие, крымские и донские дела — не раз были использованы дореволюционными историками и исследователями — Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым и др. Из советских историков они были широко использованы проф. Н. А. Смирновым, в его работе «Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I и II, М., 1946. Однако надо отметить, что если с достаточной полнотой изучены и освещены внешнеполитические события, описанные в этих документах, то сведения внутривосточного, экономического и географического характера еще ждут своего исследователя.

Помимо ведения официальных государственных дел, послы были обязаны собирать самые разнообразные сведения, согласно полученному в Москве «наказу»¹.

Ни один исследователь Турции, русско-турецких отношений, а также истории путешествий и изучения Турции в России не может пройти мимо материалов, характеризующих деятельность дипломатии московской Руси в XVI и XVII вв. В течение этих двухсот лет было отправлено в Турцию по разным поводам всего 39 посольств. Приведенная цифра дана по сведениям, охватывающим посольские материалы, начиная с первого посольства Плещеева и кончая посольством думного советника Емельяна Игнатьевича Украинцева в Турцию².

Сообщения послов были одним из важнейших источников ознакомления с положением дел в Турции, но отнюдь не единственным, так как немалую роль в этом ознакомлении играли также и сведения русских путешественников и приезды из Османской Турции многочисленных духовных лиц и, наконец, рассказы людей, возвращавшихся из турецкого плена.

Первое русское посольство в Крым и в Турцию (стольника Михаила Андреевича Плещеева) относится к 1496—1498 гг. Вот что сообщает об этом важном факте летопись: «В лето 7005, сентября, послал князь великий послов своих в Крым к царю Мингирею, князя Ивана Звенца... а в Царьград к Турьскому Баазит салтану, Магамет салтанову сыну, Михаила Андреевича Плещеева, а с ними многих гостей с Москвы отпустил и пойдоша Подем: а прежде Михаила от великого князя к Турьскому салтану посол не бывал, а Михайло послан о дружбе и о любви»³.

Первое посольство М. А. Плещеева⁴ произвело огромное впечатление в Европе и Турции. Следует рассмотреть подробнее его историю. Посольство это выехало в феврале 1497 г. Ему пришлось следовать южным путем по Дону и Азовскому морю в Кафу, так как путь через Литву был закрыт: литовский

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, М., 1946, стр. 30.

² С. Н. Теплов. Русские представители в Царьграде (1496—1891). СПб., 1891, стр. 70—71; См. также опись 89—1, в Госуд. архиве древних актов. См. выше.

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 42 (Софийская летопись).

⁴ См. Н. М. Карамзин. Ук. соч., 1817, т. VI, стр. 220—221; также: «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» («Сборник русского историч. об-ва», т. 41, СПб., 1884, стр. 231—236, 241—249); А. Неклюдов. Начало сношений России с Турцией. Посол Иоанна III — Плещеев. (Сб. Моск. главн. архива, МИД, вып. III, М., 1883); И. Беляев. Ук. соч., стр. 213.

князь Александр незадолго до этого задержал первое турецкое посольство, направлявшееся в Москву. Плещеев вез грамоту, адресованную султану, в которой говорилось о желании Русского правительства установить дружбу и наладить постоянный обмен посольствами. В наказе, данном Плещееву, предусматривалось и поведение посла при дворе султана. Ему предписывалось: «поклон править стоя, а на колени не садиться», говорить посольские речи только султану, а не его пашам: «... и нечто турьский не възвелит себе речи говорить, а велит своим башам речь говорить, и Михайлу башам речи не говорить, а говорити Михайлу: «меня государь мой послал к салтану, и яз салтану хочю государя своего речь говорить»». В точности выполняя наказ, Плещеев вел себя независимо и с достоинством, стараясь ничем не унижить чести великого князя Московского. Он отказался от предварительного посещения пашей, от принятия подарков, — с твердостью ответив на их предложения: «Мне с пашами речи нет, я пашино платье не надену и денег их не хочу, с султаном мне подобает говорить и между нами царев человек не надобен». Отказался он и от выполнения унижительного требования — стать на колени перед султаном. Поведение Плещеева было по тем временам делом поистине необычайным. Послы других держав выполняли все унижительные требования турок. Именно о посольстве Плещеева писал К. Маркс в «Секретной дипломатии»: «Сам султан Баязид, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвитя¹».

Вторая половина XVI в. для истории изучения путешествий на Ближний Восток представляет большой интерес благодаря разнообразию полученных на Руси географических сведений. Москва в эти годы вступает в более близкие дипломатические отношения со многими европейскими и азиатскими государствами.

Мы не будем останавливаться на политических и экономических взаимоотношениях Московской России и Турции в течение XVI и XVII вв. Утверждение турецкого владычества в Крыму, в Азове, приближение турок к Северному Кавказу делало Турцию соседом Московской Руси, соседом агрессивным и опасным. Это соседство уже сталкивало Московскую Русь с Османской империей; к тому же приводили и торговые отношения, — деятельность русских купцов в Кафе и Азове, в Бруссе и Константинополе, о пребывании которых в этих местах видно хотя бы из хождения купца Василия.

¹ Цит. по «Дипломатическому словарю», т. II, стлб. 416, М., 1950.

В истории сношений России с Востоком время XVI—XVII вв. можно охарактеризовать как период турецкого нашествия на русскую землю¹, как период, в течение которого имели место три войны (1569, 1637—1642, 1677—1678). В этих войнах активными союзниками Турции выступали крымские ханы. В рамки нашей работы не входит изучение дипломатии Московской России за этот период, ставившей задачи поддержания дружеских отношений с Турцией и умевшей в то же время «твердо и решительно защищаться от турецкого нашествия, какую бы форму оно ни принимало и с какой бы стороны они не угрожали его владениям»².

В 1499 г. в Турцию было отправлено посольство Александра Голохвастова. Вместе с послом выехали купцы с товарами. Среди этих товаров была конская упряжь и седла, меха и холсты. Задачей посольства являлось урегулирование вопросов торговли. В 1515 году было отправлено посольство Бориса Голохвастова. Интересно отметить, что послу был дан наказ, в котором ему предписывалось по окончании всех государственных дел — посетить патриарха и сообщить ему, что его посланцы в Москву скоро к нему вернутся, а также просить его молиться за здоровье князя и православного христианства. В отличие от многих последующих наказов послу не давалось указаний советоваться с патриархом о делах³.

Мы не будем останавливаться на сведениях обо всех других посольствах, отметим лишь некоторые интересные детали. Так, послу Василию Андреевичу Коробову (1515—1516) был дан наказ собрать сведения о политическом положении Турции: «Да пытати Василью в Азове, кого будет пригож, про турецкого салтана, где ныне, и что его дело с Кизылбашем и досуг ли ему ныне в своей земле или недосуг, и в котором ныне в своем городе...⁴ Да что Василей уведает там про тамошнее дело, и ему о том о всем отписывати к великому князю именно»⁵.

Подобные указы давались и другим послам, например, Борису Голохвастову (1519—1521), который доносил: «А суды, государь, сказывают, делали на Белом море многия, а посылать было ему на Фрясскую землю... И турской государь, сказывают,

¹ См. Н. А. Смирнов. Ук. соч., т. I, стр. 1—2.

² Там же, стр. 159.

³ Турецкие статейные списки. Цит. по Н. Каптереву. Характер отношений России к православному востоку (в XVI—XVII столетиях). М., 1885, стр. 277.

⁴ Памятники дипломатических сношений. Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1895, т. 95, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 112.

посылает всех людей против Кизылбаша... А крымской, государь, сказывают, в Перекопи...»¹ В наказе послу Брюхову (Морозову, 1523 г.— *Б. Д.*) было велено узнать о положении на острове Родосе. Понятно, что Москву особенно интересовал вопрос о военной силе турок, об их военных успехах.

Многочисленные посольства «расширяли географический горизонт русских той эпохи и являлись свидетельством пристального интереса ко многим пограничным или близко лежащим от Московии территориям»². Они расширяли круг сведений о посещенных ими странах, дополняли известия, полученные от разных лиц, ездивших на Восток. Посольские материалы тщательно записывались и хранились в Посольском приказе, в Москве. Сведения о восточных странах, интересовавших Москву, поступали также от духовных лиц, приезжавших в Россию за сбором «милостыни» для монастырей Афона, Иерусалима и Константинополя. Представители православного духовенства бывали в Москве и по другим причинам. В 1518 г. в Москву прибыл из Османской империи ученый монах Максим Грек, приглашенный Василием III. Он остался в России до конца своих дней (1556). Но вследствие разногласий с великим князем и верхами русской церкви он находился некоторое время в заточении. Среди обвинений, ему предъявленных, было и обвинение в сношениях с турецким послом Скиндером. Несомненно, Максим Грек мог сообщить немало сведений о Турции, в частности об Афонских монастырях. Однако опубликованные материалы отражают в основном лишь его полемику с исламом³.

Приезжали с Востока и купцы. Из России ездили на Восток как духовные, так и светские лица. Так, например, в 1557 г. Иван IV, посылая суздальского архимандрита Феодорита с большими дарами к вселенскому патриарху, дал ему наказ тайно разведать: «с кем Турепкий Султан в миру, и с кем не в миру?», как бы нечаянно поговорить с патриархом о том, «какие есть намерения у Турков, и все это сохранить у себя в величайшей тайне»⁴.

Русское правительство скоро убедилось, что константинопольские патриархи как живущие в столице султана и

¹ Там же, стр. 667, 668.

² Д. М. Л с б е д е в. География в России XVII века. М.— Л., 1949, стр. 175.

³ О Максиме Греке. См. ПСРЛ, т. VI, стр. 261; Н. М. К а р а м з и н. Ук. соч., т. VII, 1817, стр. 173—175 и примеч., 339—345; Акад. И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Ук. соч., стр. 22—23.

⁴ А. Н. М у р а в ъ е в. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, стр. 86; Н. К а н т е р е в. Ук. соч., стр. 2

имеющие связи и знакомства среди высших правительственных лиц Турпии «могут, при случае, оказать содействие нашим послам своими знаниями и советами; могут, благодаря своим связям, так или иначе влиять в интересах России на турецких пашей, могут, при случае, сообщать русскому правительству нужные и драгоценные для него сведения о положении дел Турпии»¹. Эти прямые связи и были установлены позже, в конце XVI столетия, при Борисе Годунове. Духовным лицам, выезжавшим на Восток, давались, как и прежде, указания о сборе различных сведений.

В летописи рассказывается, что в «лето 7066 (1558) месяца июля 24, в неделю, после обедни, поехал к Москве архидиакон владычен Генадей, доеждати ему, с Москвы, с гостем Мустохой, Андреем и Яковым к Царюграду, и от Царяграда ему ехати со архимандритом Святогорским во Иерусалим, и во Святую Гору и во Египет, по монастырем давати милостыню царскую и обычей во странах тех писати ему»². В свите Геннадия находился Василий Позняков с сыном, купец родом из Смоленска, торговавший с Москвой, оставивший описание своего путешествия³. Путь посольства Геннадия шел через Смоленск, Литву и «Волынскую землю» на Константинополь, где посол умер.

Дальнейшее путешествие Позняков совершил самостоятельно. Из Константинополя он направился в Александрию, а в октябре 1559 г. в Каир; посетил Синай и после возвращения в Александрию в декабре 1559 г. отплыл в Палестину, где провел три месяца. Затем через Константинополь вернулся в Москву в апреле 1561 г. и представил записку о своем путешествии, которая до нас не дошла. Очевидно, эта записка была составлена в связи с поручением Ивана IV — «обычай тех странах писати».

В хождении Познякова привлекает внимание его рассказ о пути из Каира на Синайскую гору и описание пустыни: «И идохом от Египта до Синайския горы пустынею. Не наши же там пустыни. В их пустынях нету ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды⁴. И идохом пустынею три дня и не видехом ничтоже,

¹ Н. Каптерев. Ук. соч., стр. 277—278.

² ПСРЛ, т. III (Новгородская вторая летопись), стр. 159.

³ «Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока». «Православный палестинский сборник», 18 вып. (т. VI, вып. 3). СПб., 1887, под ред. Лопарева; «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1884, кн. I (январь — март), под ред. И. Забелина, отд. II, стр. 1—32 и предисловие, стр. I—XII.

⁴ Позняков имеет в виду, что в России, в XVI в. пустынями назывались уединенные обители, монастыри.

точию песок един да каменеи»¹. Интересно описание способа путешествия через аравийские пустыни: «и наяхом верблюды до Синайския горы... И по два человека седоша на верблюды по сторонам и корм свой и воду в мешех кожаных на верблюды положихом, яко боле десяти пуд тягости: а хлеба сухово по контарю на человека; а контарь наших три пуда тянет... арапы же верблюды кормяху сухим бобом, а воды им не даяху три дни»².

Позняков — внимательный путешественник, сообщающий в своих записках разнообразные сведения не только о пройденном пути, но также и о многих сторонах жизни посещенных им стран. Так, увидев в порту Раифа пришедшие из Индии суда, он сообщает, что «корабли же в Раифе на Черном море деланы без железного гвоздя, шиты веревками финиковыми, а осмаливаны серою горючею, а не смолою»³. В Иерусалиме его заинтересовало снабжение города питьевой водой, о чем он пишет довольно подробно: «А дождь во Иерусалиме приходит с Семена дня и до Рождества Христова, а весной и летом дождь не бывает. Егда падет дождь на храминах их, а храмины у них, учинены плоские, верхи скатистые, и со всех храмин в коемждо дому приведены застрехи в кладези; а кладези изкопаны в земли; а земля аки камень. И в тех кладезех стоит вода во весь год, а не портится; а вода у них дождевая бела, а не жолта»⁴.

Значительный интерес имеют сведения посольства Новосильцова, отправленного Иваном IV к султану Селиму, в связи с походом турок и крымских татар на Астрахань в 1569 г.⁵

Посольство Новосильцова, выехавшее 24 января 1570 г., официально было отправлено для поздравления султана Селима II с восшествием на престол, неофициально же посол должен был хорошо ознакомиться со сложившейся в Турции обстановкой. Готовясь к войне с Польшей и Литвой за доступ к Балтийскому морю, Иван IV употреблял все усилия к тому, чтобы склонить к миру крымского хана и турецкого султана,

¹ См. «Православный палестинский сборник», 18 вып. (т. VI, вып. 3), стр. 17.

² Там же, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 29—30. Кстати сказать, это свидетельство является весьма ценным подтверждением того, что в 50—60-х годах XVI в. между Индией и арабскими портами на Красном море поддерживались двусторонние торговые связи и что, следовательно, не только арабским, но и индийским кораблям удавалось нарушать португальскую морскую гегемонию в Аравийском море.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ См. Н. М. Карамзин. Ук. соч., т. IX, 1821, стр. 178.

при этом он считал важным убедить их, что мусульмане не терпят в России никакого угнетения. Миссия Новосильцова имела также еще одну цель — отвлечь султана от его намерений захватить Астрахань и Казань. Однако, султан Селим от своих планов не отказался. Интересно сообщение Новосильцова по поводу провала попытки турок захватить Астрахань. «Да про астраханской поход во фряньские города весть пришла, что Астрахани не взяли, и людем учинился великий урсн. И фрянки деи о том возрадовались и меж себя учили говорить: государь деи Московский великой и кому деи против его стояти. А от неверных его бог обороняет»¹. Таков был отклик на поражение турок, на первые победы русских над ними.

Наряду с посольствами дипломатического порядка при Иване IV имели место и поездки в Турцию купцов — Семёна Барзунова и Трифона Коробейникова. О поездке Коробейникова упоминает Новгородская летопись, отмечая, что купец этот был послан Иваном IV в Константинополь, Антиохию, Александрию, Иерусалим и на Синайскую гору, вместе с Юрием Греком и «крестечным» мастером для раздачи «милостыни по сыне своем»² (речь идет об убитом Иваном IV царевиче Иване). С поездкой Трифона Коробейникова связан хорошо известный в русской литературе плагиат³, — под именем хождения Трифона Коробейникова⁴ более 300 лет имело широкое распространение слегка переделанное хождение Василия Познякава. Как бы то ни было, но Коробейников, очевидно, выполнял какие-то другие, особые поручения. Он посетил не только Константинополь, но и другие пункты. Видно, что выполнением поручения в Москве остались довольны, ибо после своего возвращения Трифон Коробейников с 1588—1589 гг. находился в числе дворцовых дьяков⁵. Позже он вторично ездил на Восток.

Кроме Коробейникова на Афон был отправлен Иван Мешенин с деньгами на «поминовение о сыне», а в 1584 г. в Константинополь и на Афон — торговый человек Марк Самсонов, с которым были переданы «тридцать рублей для учеников в Царьграде, велено им учиться и не выходить из воли царской»⁶.

¹ См. Н. А. Смирнов. Ук. соч., т. I, стр. 117.

² ПСРЛ, т. III, стр. 263 (Новгородская третья летопись).

³ См. подробно И. Забелин. Хождение Познякава. Предисловие, стр. III—X; см. также акад. И. Ю. Крачковский. Ук. соч., стр. 17.

⁴ Хождение Трифона Коробейникова. «Православный палестинский сборник», вып. 27, т. IX. вып. III, СПб., 1883; «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1884, кн. I (январь—март), отд. II.

⁵ См. И. Забелин. Хождение Познякава; «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы». М., 1884, ч. I, стр. 1218, 1221.

⁶ А. П. Муравьев. Ук. соч., стр. 135.

Речь идет об учениках, посланных Иваном IV к патриарху для обучения греческому языку.

Своеобразной данью знакомству с Османской империей, вернее с ее вассальными владениями, является публицистическая деятельность литовского уроженца Ивашки Пересветова, в молодые годы служившего при дворах венгерского короля и волошского воеводы; служил он и у чешского короля. Переехав в середине 30-х годов XVI в. в Россию, на службу к Ивану IV, он выступал в своих публицистических произведениях как идеолог служилого дворянства, враг феодального боярства, сторонник усиления самодержавной царской власти. Идеалом царской самодержавной власти является для него турецкий султан Мухаммед II (Махмет). Он сознательно идеализирует султана, обычаи и нравы турок, их законодательство, политический строй и войско, проявляя при этом порою незнание фактической обстановки и извращая ее, пользуясь легендарными сведениями¹.

В конце XVI в. при Борисе Годунове было постановлено, чтобы путивльские воеводы допрашивали каждого прибывшего из-за границы, откуда и когда он выехал, через какие земли проезжал, нет ли где какого поветрия. В Москве вновь прибывший должен был явиться в Посольский Приказ и обстоятельно доложить все, что ему известно о странах, из которых он явился и через которые проходил. Сведения эти, доставляемые главным образом монахами, приходившими за богатой милостыней для монастырей в Турции, Палестине, на Сионе, Афоне, в Молдавии и Валахии,— давали Посольскому Приказу возможность внимательно наблюдать за всем происходившим в этих странах, получая и впредь, от греков главным образом, интересующие сведения уже и в письменном виде².

С этого же времени в наказах послам предписывалось советоваться о делах с Константинопольскими патриархами и получать от них необходимые сведения. Соответствующие связи

¹ Об Ивашке Пересветове см.: В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов. М., 1908 (с приложением сборника его сочинений); В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов и Западная культурно-историческая среда. СПб., 1912; Д. Н. Е г о р о в. Идея турецкой реформации в XVI в. (Журн. «Русская мысль», июль 1907); «История русской литературы», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 488—492; акад. И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950. И. Ю. Крачковский пишет о Пересветове: «Мухаммед Завоеватель для него только идеал правителя, около которого концентрируются его собственные государственные теории. Всё же знания ислама у него отрицать нельзя; при всей идеализации он вернее отражает действительность, чем ярый полемист Максим Грек» (стр. 24).

² См. Н. Каптерев. Ук. соч., гл. VII, стр. 275—347.

были установлены и с тырновским митрополитом Дионисием и другими иерархами. Послы были хорошо осведомлены о внутриполитическом положении в стране.

Так, например, Нащокин, выехавший из Москвы в 1592 г., нарисовал яркую картину положения в Турции. В своем сообщении он писал: «В Турции ныне все изменилось: Султан и паши мыслят единственно о корысти: первый умножает казну, а для чего неизвестно; прячет золото в сундуках и не дает жалования войску, которое в ужасном мятеже недавно приступало ко дворцу, требуя головы Дефтердаря или казначея. Нет ни устройства, ни правды в Государстве. Султан обирает чиновников, чиновники обирают народ; везде грабеж и смертоубийства; нет безопасности для путешественников на дорогах, ни для купцев в торговле. Земля опустела от войны Персидской и насилия, особенно Молдавская и Волошская, где непрестанно сменяют господарей от мздоимства. Греки в страшном утеснении; бедствуют, не имея надежды на будущее»¹.

Нащокин дал описание и бунта в Константинополе, свидетелем которого он был, и весьма подробно осветил внутреннее и внешнее политическое положение Турции, указав, что там «нестроение и рознь великая и неправда многая», что купцы из-за насилий военщины не могут торговать². О крупном народном восстании конца XVI в., Кара Яызджи — Дели Хасана, в Москве были осведомлены из сообщений приехавших за милостыней духовных лиц.

В 1593 г. в Царьград и на Афонскую гору были отправлены второй раз дьяк Трифон Коробейников вместе с Михаилом Огарковым с «заздравной милостыней». Об этом втором путешествии известно из статейного списка и росписи милостыни, розданной во время путешествия³. В отличие от других хождений, этот документ дает географическое, точнее военно-топографическое, описание пройденного до Константинополя пути, в котором сообщает о расстояниях между городами, о внешнем их виде (бой, стены каменные или деревянные, реки, мосты). Автор совершенно не дает описания «святых мест». Вот, например, его описание города Правод. «А стоит тот посад в долу, меж двух великих гор, а горы высоки, каменные, что береги камен утес, а в долину из тех гор от того посаду до ровного места версты

¹ Цит. по Н. М. Карамзину. Ук. соч., 1824 г., т. X, стр. 175—176.

² Н. А. Смирнов. Ук. соч., т. I, стр. 146.

³ «Древняя Российская Вивлиофика». Изд. 2-е, т. XII, М., 1791, стр. 425—449; см. также: «Православный палестинский сборник», т. IX, вып. III, СПб., 1889.

с 4 — больше». «А во Ясах города нет: потому царь Турской города ставить не велит...» «Городок Хотен каменной невелик, поменши перестрела, стоит на горе каменной...»

Подводя итог сведениям о многочисленных путешествиях русских людей в страны Востока за период с XII по XVI вв., следует отметить, что русские путешественники проявляли большой интерес к посещенным ими городам, их местоположению, благоустройству, водоснабжению; внимание русских людей привлекали также и вопросы военно-топографического характера.

«...Новый период русской истории», начавшийся, как это отметил В. И. Ленин, «примерно с 17 века»¹, характеризуется подъемом русской культуры. Подъем сказался также и на росте географических знаний. «Русские вели разнообразную и плодотворную практическую работу по географическому изучению России и некоторых соседних с нею восточных стран»². Это положение можно целиком отнести к познанию Ближнего Востока.

Прерванные в начале XVII столетия дипломатические связи между Турцией и Россией возобновились в 1613 г., когда было отправлено посольство Соловьева — Протасьева с извещением о вступлении на престол Михаила Романова. За этим посольством последовал ряд других. В 1615—1617 гг. было послано новое посольство Петра Мансурова и дьяка Самсонова, продолжавшее переговоры, начатые Соловьевым-Протасьевым. В 1622 г. отправилось посольство боярина Кондырева и подъячего Тормосова. Оно попало в Константинополь во время янычарских бунтов и дворцовых переворотов. Султан Осман II был убит янычарами в 1622 г., и на престол возведен его дядя Мустафа. В 1623 г. султаном стал Мурад IV.

Об интересе, проявляемом русскими к Турции, свидетельствует рассказ московского купца Федора Афанасьевича Котова, ездившего на Восток в 1623 г., «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят»³. Он указывает, что «от Ардевиля в Турскую землю ходят же через Тевриз» (стр. 6), «а от Казбина ход же есть в Турскую землю на Богдат» (стр. 8). Далее описывает он «ход из Шамахи в Турскую землю» через «Геньжи, Раван» (Ереван).

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

² Д. М. Лебедев. География в России в XVII в. М.—Л., 1949, стр. 6.

³ «Временник Московского общества истории и древностей Российских», кн. 15, М., 1852. Материалы с предисловием И. Д. Беляева.

«Да над тем же над городом Раванию на полдень стоит гора добре высока и велика, а верх взошел что колпак..., а на ту гору восходу нет никому, а на той горе стоит Ноев ковчег.. а у нас тое гору зовут Арарат» (стр. 20).

Много любопытных и интересных наблюдений было сделано казанским купцом Василием Яковлевичем Гагарой¹, который вел торговые дела с Востоком. Он выехал из России в 1634 г. и вернулся обратно в марте 1637 г., привезя важные вести о положении восточных дел, за что был пожалован званием московского гостя. По словам Гагары, он предпринял путешествие в Иерусалим для того, чтобы замолить грехи. Но, очевидно, свое путешествие к святой земле он использовал и для торговых дел, ибо до Иерусалима путешествовал год, не раз отклоняясь от прямого пути. Путь Гагары проходил по знакомым ему из-за торговых дел восточным землям, чем, видно, и был вызван избранный маршрут.

Он прошел через Малую Азию, попав туда со стороны Кавказа, через Сирию и Палестину. Из Иерусалима он направился в Египет, посетил Каир и Александрию, Синай, откуда вернулся в Иерусалим. Обратный путь его лежал через Самарию, Дамаск, Урфу, Биреджик, Диарбекир, Анкару, Кастамону и Синоп. Оттуда он повернул на запад и, следуя морем, дошел до Галлиполи «для ради царского величества... где бы что проведати, какие вести...» (стр. 38), а затем через Валахию, Молдавию, Польшу и Киев вернулся в Москву. Такой территории до него не охватил ни один русский путешественник по Ближнему Востоку.

Рассказ о своем путешествии Гагара начинает с Тифлиса и дает интересное и совершенно реалистическое описание Грузии, что не мешает ему, однако, привести легендарные сведения о заключенных в горе, вблизи Тифлиса, Гоге и Магоге. Из Тифлиса Василий Гагара пошел в Ереван, откуда в двух днях пути расположены Араратские горы, «а на них Ноев ковчег» (стр. 5). Эти горы, отмечает Гагара, стоят «в порубежи Турския земли и Кизилбашския земли, Арарацкие же горы только две; одна гора повыше, а другая — пониже; а около тех гор иные горы, те и в половину тех гор нет» (стр. 5).

Через Ардаган, Карс и Эрзерум Василий Гагара направился в Севастию (Сивас): «Севастия же стоит близ горы, велми

¹ «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг.» под ред. С. О. Долгова. «Православный палестинский сборник», вып. 33, т. XI, вып. 3, СПб., 1891 (ссылки на стр. даны в скобках). О нем см. История русской литературы, т. II, ч. вторая. Изд. АН СССР. М.—Л., 1948, стр. 124—126.

страшны и велики, а на ней снег не сходит ни летом, ни зимой» (стр. 5). Дойдя до Амидоний (Хамы), он пишет: «И сквозь него идет река велика; а плотина зделана каменная, а на той плотине стоит мельница; а от мельницы вода возведена колесом вышиной от воды сажен 12, а и с того колеса вода идет в желоп каменный; а из того желоба приведена вода трубами во весь град и посад. А тот град стоит на горе висоце, велми красен, а около его ров веден каменной, и воды в него напущено, а глубины 16 сажен» (стр. 6). Далее следует описание Дамаска: «А Дамаск же град велик велми есть, на 30 поприщах и боле, да в нем же есть сады велми учреждены красны и овоция велми много всякого, что ни есть на сем свете, нигде такового града не обрел и таких садов...» (стр. 6).

Прийдя в Иерусалим, он в первый раз пробыл здесь всего три дня. Митрополит и греки, узнав, что Василий прибыл из Московской земли, «возрадовались... потому что oprичь Трифана Коробейникова до меня многогрешного раба из такова из далнаго государства из христианские веры нехто не бывал» (стр. 9).

Из Иерусалима в Египет Гагара отправился сухим путем, красочно описывая трудности этого пути: «А путь к Египту (т. е. Каиру) велми труден, близ моря идти, а на лошадях ехать немочно, но только что пешему человеку; ездят на верблюдах, тот путь уподобился морю песчаному; отколе ветер потянет, оттоле и волны песчаные, аки вода, ходят, а воды нет на том пути, а возят воду с собой на верблюдах и кожаных мехах ради своея потребы» (стр. 13, прим.). При приближении к Каиру Гагару поразило обилие минаретов: «И как поедешь под Египет и покажется, как есть лес темный, и то колокольни бусурманские возле их мечетей стоят. А во Египте никакова овоцу не родится, oprичь сахару и фиников, и садов никаких нет, потому что жар немерный» (стр. 15—16).

При описании Каира Гагара отмечает, что город огорожен каменной стеной и что внутри города на горе имеется другая стена, за которой «живет паша турской» (стр. 16).

Внимание Гагары привлекли примитивные инкубаторы: «Да во Египте де по деревням зделаны земляны полаты, а них поделаны печи... А на всякой печи поделаны ящички, и в те ящички на всякую печь сыплют по 6000 яиц,.. а печи нагревают... коневым калом... И от того рожаются цыплята без матери...» (стр. 27—28).

Отмечая плодородье долины Нила, он пишет: «Пшеница и ячмень, и пшено вельми родится, потому что та река Геон как разольется и по лугам, и по пашням, многое время стоит и

наполяет землю». Рассказывает Гагара о посадке сахарного тростника: «в том же Египте родится камыш, а из него делают сахар; сажают его с корнем и... посыпают под него голубиный назем» (стр. 29). Сведений о животном мире у него имеется мало, он говорит только, что видел в Ниле «водяного зверя... имя тому зверю — крокодил».

О нравах и быте Гагара ничего почти не пишет; тем интереснее данное им описание приезда и встречи нового турецкого паши. При встрече его расстилаются златотканые дорожки, более трехсот, от ворот до дома паши, и паша и его свита идут по этим дорожкам, которые вслед затем подбираются. «И всего его стояния живет в том сам — 3 дни и 3 ночи; и в те 3 дни на своих служивых людей и на холопей поделают шубы собольи и рысьи; покупает паша у греков, а емлет в долг безденежно, докуда насытятца» (стр. 30).

Из Египта Гагара вернулся в Палестину, описание которой выдержано в стиле обычного паломнического хождения.

В связи с турецко-персидской войной, Гагара на обратном пути не решился возвращаться через Персию и, дойдя до Анкары, направился к Черному морю. Около Анкары он обратил внимание на изделия из ангорской шерсти «уподобися шелку та шерсть». В пути он разузнавал многое — о взаимоотношениях между Крымом и Портой, об отношениях Турции к Москве, а также о положении в княжествах на Дунае.

Источниками сведений о положении в Турции служили также рассказы вырывавшихся из турецкого плена русских людей. Так любопытный документ повествует о восстании в Средиземном море в 1643 г. 280 русских, находившихся на турецкой каторге¹. Будучи гребцами в боях под Азовом, они похитили сорок фунтов порошу и использовали его при восстании. В своей челобитной они рассказывают: «И те, государь, турецкие люди доставали Озоев и его не достали и много войска истеряли и пошли из Озоева опять во Царь-город, и турской царь на них ополчился и многих пашей четвертовал и вешал, что они города Азоева не достали. И наш турчанин... у которого мы, холопи твои, живот свой мучали на каторге, убоялся и побежал в ночи из Царяграда на Белое море...» (стр. 21). Тут-то под руководством пленного калужского стрельца Мошкина и произошло восстание, в результате которого было перебито 210 турок. Восставшие вернулись в Россию через Мес-

¹ См. «Чтения в Обществе Истории и древностей Российских», 1894 г., кн 2 (169), раздел «Смесь», стр. 20—28.

сину, Рим, Венецию и Варшаву. Им предлагали остаться за большое жалованье, на службе в Европе, но русские патриоты иностранцам «служить не захотели и христианской веры не покинули» (стр. 23).

Через 12 лет после взятия Азова донскими казаками, на Восток, в 1649 г. выехал строитель Богоявленского монастыря Арсений Суханов. Он имел официальное поручение изучить на месте духовные чины и обряды, но наряду с этим и ряд поручений политического характера, связанных с посольско-казацкими и с украинско-русскими делами. Он вел переговоры в Чигирине с гетманом Богданом Хмельницким, в связи с чем Суханову пришлось трижды возвращаться в Москву, и только через два года, в мае 1651 г., через Константинополь и Египет он направился в Иерусалим. Здесь Суханов прожил до апреля 1652 г., а затем выехал через Сирию, Восточную Анатолию, Грузию и Кавказ — в Москву, куда вернулся 7 июля 1653 г.¹ В 1654 г. он снова был отправлен на Восток — посетил Яссы, Афон и Константинополь, — откуда привез до 500 ценных рукописей и книг. Позже он ведал московским печатным двором.

Арсений сообщал в Москву известия о политических делах и настроениях на юге. Он писал, например, «Ныне турского сила изнемогает, потому что виницеяне одолевают; говорят все христиане, что бы им то видети, чтобы Царем-Градом овладети царю Алексею». Позже, из Розетты в Египте он посылает с оказией «отписки» в Москву (стр. 34) и даже посылает «листы чертежные разных земель и тетради всякие», которые потерялись в дороге. В его «Проскинитарии» (Путник; Дорожник) мы, наряду с обычными замечаниями паломника, встречаем и описания природы, описание городов, преимущественно в военном отношении, писание хозяйства, образа жизни населения, нравов, обычаев, управления. Суханов был умный, наблюдательный, образованный путешественник, а его «Проскинитарий» — один из замечательнейших памятников путешествий на Восток в XVII в.

Много места в «Проскинитарии» занимает описание обрядовой стороны, отношений между восточным духовенством и между греками и славянами. К греческому духовенству

¹ См. «Проскинитарий Арсения Суханова», под ред. Н. И. И в а н о в с к о г о. «Православный палестинский сборник», вып. 21-й, т. VII, вып. 3, СПб (ссылки на стр. даны по этому изданию), 1889; С. Б о л д ы р е в. Исследование «Арсений Суханов». «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1894, кн. 2, стр. 169; С. Б е л о к у р о в. Арсений Суханов. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1891 г., кн. I (156), и 1894 г., кн. 2 (169).

Суханов относится отрицательно, строго бичуя бесчинства, которые происходят в греческих храмах и не встречают осуждения со стороны духовенства. Суханов дает описание посещенных им городов, часто весьма подробное, не забывая упомянуть о местоположении, отмечая наличие или отсутствие крепостных стен, пушек, рвов.

К Константинополю Суханов плыл сперва по Дунаю, затем морем: «издали виднелись горы анатолийски».

Суханову принадлежит едва ли не первое в нашей литературе описание Босфора. «От Черного моря проток в Белое море, якоже река великая: мною, яко из самопала добраго перестрелить» (стр. 10). Суханов указывает на наличие «Турской стражи» у места, именуемого им «Фонарь»: «А от устья того протока ехать десятии с пять, на самом берегу протока стоят башни каменные, на правой стороне меньше, а на левой больше... А сказывают, что те башни полны пушек и стража де тут крепкая...» (стр. 10).

Подробно описывает он Константинополь: «Царьград стоит на самом берегу моря; с трех сторон вода морская облила, а с одной стороны пришло поле. И от Черного моря и Белого¹ затон великой, якобы версты на две и больше длиной, а поперек из пищали перестрелить...» (стр. 11). При описании города, рассказывая о многочисленных «городках и башнях», отмечает Суханов такие детали: «По всему городу и по башням поземного бою нет, не только у верхних зубцов» (стр. 12). «Внутри Царяграда и Галаты по самую стену все здания и проходы подле стен нет для обороны во время войны» (стр. 13). На Золотом роге («затон») «по обе стороны по берегу стоят галионы и корабли и малые кораблики, и струги, и всякия мелкия суда, не сыщет человек порожняго места, где стать; на берегу все загущено вдвое, а инде втрое от самого Белого моря и от Черного по затону даже до самого верху затона» (стр. 12).

Однако не только военная сторона привлекла внимание Арсения Суханова: он описывает и мечети, и улицы, и здания. «Мечети велики и высоки, и широки добре и украшены зданием, драгоценным мрамором всякими и резьми видными превидными, несказанной мудростью и пеной великой... покрыты все свинцом...» (стр. 16).

«Улицы низки, телеги николи нигде не ходят, все пеши да редко кто верхом проедет...» Проявляя большую наблюдательность, русский путешественник отмечает, что «В Царьграде хотя и все каменное мнится, а наверху и внутрь все деревянное. Как загорится и отняти никакими мерами нельзя» (стр. 17).

¹ Белое море — так турки и арабы называли Средиземное море.

По пути из Константинополя в Египет Суханов описывает места, которые он видел, проезжая, с палубы корабля, или посещения им. Он дает подробное описание выхода из Дарданельского пролива в Эгейское море, рассказывает об островах Хиос, Самос, Родос. Очень интересно описание греческого монастырского быта на Хиосе (стр. 20—24), где многие «старцы» владеют обширными садами и виноградниками, торгуют продуктами садоводства, чтобы «содержать себя» (но хлеб получают из монастыря), отписывают по завещанию свои сады родственникам и т. п. Суханов рисует картину развитых товарно-денежных отношений на этом острове, с его греческим и «франкским» населением, среди которого, как с удивлением отмечает Суханов, религиозные и бытовые преграды в значительной мере утратили силу (браки между греками и франками, отсутствие разницы в одежде и т. п.)

Интересует Суханова и турецкий флот, как это видно из следующего описания, сделанного им на о. Родосе: «было войска турецкого 110 кораблей и катарх (стр. 27) в день приезда, 17 июля, а 21 июля пришло войско паши — 42 катархи, — на катархах, сообщает Суханов, весел на стороне по 25, а на другой стороне столько же, а гребцов на весле по 4, а инде по 5, по 6, и на иной катархе и больше есть, якоже у самого паши... а у всякой катархи наперед по две пушки великих, а инде по четыре великих и две малых, а со сторон и назади не видать: по сторонам стрельницы» (стр. 27).

В Египте Арсений Суханов побывал в Абукире, Розетте, Александрии, Каире, плавал по Нилу. Суханов подробно описал Каир, называя его, как и другие путешественники XVI—XVII вв., «Египет».

Не останавливаясь на описании Сухановым других посещенных им городов, в том числе и Иерусалима, которому посвящена специальная глава, отметим лишь описание Эрзерума: «Около Эрзерума все горы снежные, снег во все лета..., понеже место хладно от снегу с горы, и студено, без шубы ехать нельзя и летом, и дождь бывает часто от гор от снегу, облака растворяются и дают дождь и того ради все зелено» (стр. 100).

Скупо описывает Суханов виденные им горы, редко называя их собственными именами, чаще прибегая к библейским наименованиям (в Палестине), но Арарат он называет и по-турецки — Ахрыдаг (Агрыдаг), и по-армянски — Масисом. Из рек, кроме Дуная и Нила, он называет Евфрат, Мурадсу, Аракс и Арпачай.

Если добавить, что у Суханова имеются многочисленные замечания о климате посещенных им мест — то можно сделать вывод, что в его лице мы имеем человека, давшего многое

в области физико-географического описания. Замечания Суханова характеризуют природу и хозяйство посещенных им стран. Он говорит о масличных садах, финиковых пальмах, виноградниках, цитрусовых и т. д., уделяет внимание системе орошения. Его внимание привлекли невиданные им прежде «строфокамы», т. е. страус, крокодил, попугаи, обезьяны. Рассказу о них уделено больше места, чем, например, описанию Эрзерума.

Арсений Суханов отмечает важную для феодального периода истории Османской империи деталь — многочисленные внутренние таможи. Неоднократно упоминая и о многочисленных национальностях, населяющих Османскую империю, Суханов не останавливает своего внимания на отношении турок к христианским народам. Однако он отметил, что на заставе вблизи Эгина турчин, взимавший пошлину, «бил многих армян... чеканом» (стр. 97). Об армянах пишет: «чтут книги армянския и говорят языком армянским же да турским... а книги у них все на армянском языке...»

Светская часть «Проскинитария», собственно, представляющая собой статейный список, как видно из приведенных выдержек, дает ясное представление о посещенных Сухановым местах. Большое внимание, часто уделяемое Сухановым военной стороне, вполне понятно. В Москве внимательно следили за Турцией. Восточные иерархи не раз обращались к русскому царю с увещеваниями о заключении союза с гетманом Богданом Хмельницким и дунайскими воеводами для совместных действий против агрессивной султанской Турции.

Менее интересное описание дал один из спутников Суханова Иона Маленький¹. Он выехал из Москвы вместе с Сухановым, но в Яссах они расстались. В Иерусалим Иона прибыл раньше Суханова, а выехал оттуда через год после него. Он уделяет место описанию хозяйственной жизни посещенных им мест и черноморских проливов, но, в основном, это типичное описание, сделанное паломником, больше всего уделяющим внимание святыням и церковным легендам.

Кроме сведений, доставлявшихся путешественниками и послами, в XVII в. широко использовались сообщения различных духовных лиц, приезжавших с Востока. Так, в 1649 г. именно этим путем в Москве стало известно о низложении и

¹ «Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград... черного диакона Ионы — по реклому маленького 1649—1652». Под ред. С. О. Долгова. «Православный палестинский сборник», 42 вып. (т. XIV, вып. 3), СПб., 1895. Иона Маленький — последний из известных нам паломников допетровской Руси, оставивший свои записи.

убийстве султана Ибрагима («задавили его за многую его неправду»)¹. Еще ранее в Москве стало известно, что «турской Ибрагим салтан малоумен, немощен и кривошееват... а во всем... владеет визирь Мустафа паша... что Ибрагим салтан пьет, а допьяна не упиивается, только прост во всем... что салтан ни о чем не радеет, только дался на блуд женской и на иные великие блуды и ни о чем не помышляет...»², что его «ненавидят во Царегороде, но во Анатольской стране восстал единой изменник и отложился именем Кара-Хасан»³.

Не имея своих постоянных представителей в Константинополе, московское правительство было тем не менее хорошо осведомлено обо всем, что делалось и предпринималось в Турции, Молдавии, Валахии и в Крыму.

Турция в отношении России вела агрессивную политику в Крыму и на Кавказе, поэтому следить за ее действиями было совершенно необходимо. В дальнейшем немалую роль в этой осведомленности на протяжении почти сорока лет с 1677 до 1707 г. играл митрополит, а впоследствии иерусалимский патриарх Досифей, смотревший на Россию, как на будущую освободительницу всех православных народов от турецкого ига. Симпатии к России народов Балканского полуострова, нещадно угнетавшихся турками, создавали возможность ознакомиться с их тяжелым положением и с внутренними условиями Османской империи в целом.

Интереснейшим и замечательным памятником второй половины XVII в. является «Описание Турецкой империи», составленное русским, бывшим в плену у турок⁴. Автор описания неизвестен. Возможно, что это был сын боярский Федор Дорохин, родом из Ельца, «рейтаре», попавший в плен к крымским татарам, затем проданный в плен в Турцию, служивший в турецких войсках и вернувшийся в Россию в 1674 г.

Неизвестный автор сообщает, что он обошел Турцию в 62 месяца и 20 дней (т. е. за 5 лет, 2 месяца и 20 дней) — срок, очевидно, относящийся к его путешествиям по стране, а не вообще, ко всему времени пребывания в ней. В своем пешеходном странствовании он побывал в самых отдаленных частях империи⁵.

¹ См. Н. Каптерев. Ук. соч., стр. 333.

² Там же, стр. 334.

³ Там же, стр. 335.

⁴ «Православный палестинский сборник», 30-й вып., т. X, вып. 3, под ред. Н. А. Сырку, СПб., 1890. О нем см. Д. М. Лебедев. Ук. соч., стр. 203—206; И. Ю. Крачковский. Ук. соч., стр. 19. Подлинное название: «Книга о тайном и сокровенном сокрытии мной пленником в неволе описанная» (ссылки на стр. даны в скобках).

⁵ Перечислим важнейшие пункты, в которых побывал автор: свое описание он начинает с Иерусалима, затем следуют: Вифлеем, Хеврон,

Отличительной чертой описания, резко выделяющей его из ранее рассмотренных материалов, является отсутствие упоминаний о церковных делах и святынях (кроме Иерусалима). Автора эта сторона дела не интересует. «О всей той Турской земле ясна изъясляю, яково есть оно царства велика во одержание своего пространства ширины своей от края до края, и граница до границы, и места от места, и много ль дней ездю семо и овамо да всех мест, и грады их как завутся, и крепости их как есть» (стр. 1). Его описания содержат военно-географические и отчасти этнографические сведения о посещенных им пунктах; всюду отмечается их местоположение в отношении гор, реки или моря. Весьма подробно описываются автором стены городские и крепостные с общим, а иногда подробным указанием их длины, укрепления городов, рвы, ворота, наличие или отсутствие пушек и т. д.

Наиболее подробно описан Константинополь, причем автор отмечает наличие там пушечного производства «Топана»; «места то пушашная; пушки тут выливают» (стр. 42). По берегу Босфора отмечается наличие «малых городков». «А из тех малых горадков вверх по пратоку таму, в устье дверях Черного моря, стоят тут подле воды протока таго, по обеим странам, другие два малые горадка: а крепостию оне тверды, а пушек в них великих и малых зело многа» (стр. 24).

Автор подчеркивает отсутствие в Константинополе и в Салониках запасов хлеба. Это его интересовало, как военного; вообще же хозяйству он уделял мало внимания. Отмечая малочисленность населения в ряде областей, он не забывал упомянуть, кто населяет тот или иной район, перечисляя при этом почти все национальности огромной многонациональной империи. Он рассказывает, что в Османской империи находилось очень много проданных в рабство русских полоняников: «есть русских людей невольных в неволе на земле их и на море, на каторгах, зело много множеством без числа» (стр. 23).

Каир, Дамьетта, Розетта, Александрия, Абукир, Триполи, Тунис, Бон, снова Каир и Палестина, Дамаск, Бейрут, Триполи, Алеппо, Александрия, Диярбекир, Мардин, Мосул, Керкук, Багдад, опять Дамаск и далее ряд малоазиатских городов — Токат, Амасья, Анкара, Измаил, Константинополь, Муданья, Брусса, Измир, острова архипелага, Адрианополь, Филиппополь, София, Белград (в Сербии), Будапешт...

Автор обошел почти все европейские, азиатские и африканские владения Османской империи. «Никто из европейцев этого времени не исходил столько территорий Турецкой империи, не видел столько уголков ее и не отмечал столько особенностей их, как наш автор», — пишет в своем предисловии Сырку (стр. XXVII).

Его весьма интересуют военные качества различных национальностей, способы ведения ими войны, пригодность солдат для военного дела. О военных качествах самих турок он был невысокого мнения. Оценивая военные качества янычар, он считал их плохо обученными. Он отмечал, что арабы боятся огнестрельного оружия, но подчеркивал их искусство в конном бою. Наиболее высоко он оценивал боевые качества босняков и албанцев (арнаутов).

«Таково это удивительное сочинение неизвестного русского человека, более пяти лет тщательно отмечавшего во время тяжелых странствий на положении пленника по обширным территориям турецкой империи все считавшееся им полезным в дальнейшем для защиты его родины от врага»¹.

Академик И. Ю. Крачковский пишет об этом авторе: «Во время тяжелой десятилетней неволи он побывал в самых разнообразных областях Турции, находившихся тогда в апогее территориального распространения, и мог видеть много подвластных ей арабских стран... Он упоминает такое количество арабских городов, как едва ли какой-нибудь паломник... По своей военной специальности он мог обратить внимание на такие стороны жизни, которые оставались вне горизонта паломников»².

Другим пленником, вырвавшимся из турецкой неволи, явился Василий Полозов, кратко описавший свой путь по турецкой земле в челобитной па имя царя Федора Алексеевича³.

После заключения перемирия в Крыму, в 1681 г. в Гурцию было направлено посольство Чирикова и Возницына. Чириков умер по дороге на Дону. Возницын, ставший послом, был бурей занесен из Кафы в Амасру, где простоял 8 дней. Выйдя в море, он снова попал в бурю и был вынужден вернуться. Дальнейшее путешествие он совершил необычным для русских послов путем — из Амастры сухим путем по Анатолии: «Ехали из Амастры через горы зело высокие, тесными юдолиями, самым трудным путем». В дороге по деревням посла принимали с честью, на станах давали корм, где что можно было добыть, «избы» устилали коврами, а кругом стен подушками. Посольство останавливалось в Болу, Скутари. Впервые русский посол въехал в столицу Османской империи со стороны

¹ Д. М. Лебедев. Ук. соч., стр. 206.

² Акад. И. Ю. Крачковский. Ук. соч., стр. 19.

³ Опубликовано в приложении к «Описанию Турецкой империи», стр. 46—50.

азиатского берега»¹. В инструкции, данной послам перед отъездом из Москвы, им предписывалось советоваться с иерусалимским патриархом Досифеем — «И приходити им к патриарху для благословения, усмотря время, как прилутчица, чтобы на него и на себя не навести от султана и визиря нелюбья»². Возницын доносил в Москву: «и святейший патриарх... приказывал ко мне, ... что де турки зело желают, чтобы с вами, великим государем, иметь в миру утверждение, а хотят воевать сей весны венгерскую землю...»³ и далее: «московское государство стало им страшно: как де салтан посылал везиря с турским войском под Чигирин, и того де войска пошло из Царяграда многое число, а из под Чигирина возвратилось в Царьград самое малое число — все во время той войны побиты, а иные, идучи до Царягорода, от ран и с голоду в дороге померли»⁴.

Война держав против Турции, в которой принимала участие и Россия, а также два похода Петра I на Азов — прервали обмен посольствами на некоторое время. В 1699 г. было отправлено посольство во главе с думным советником Емельяном Украинцевым, оставившее большой след в истории русской дипломатии. Но материалы этого посольства принадлежат уже к новому периоду — к эпохе Петра.

За шесть веков русские путешественники побывали во многих странах Ближнего Востока, изведали различные пути, ведущие в эти страны. Они посещали Константинополь, заплывали на острова архипелага, бывали в Сирии, Палестине, Египте и на Синае, иногда доходили до Месопотамии, прошли Малую Азию с севера на юг и с запада на восток. Им были ведомы пути на Ближний Восток: сухопутные — через Польшу, Молдавию, р. Дунай и через Кавказ и Иран, и морские — от Азова, Кафы до Константинополя.

Эти путешествия дали немалый географический информационный материал, и в сочетании с другими источниками, пополнявшими сведения о странах Ближнего Востока, в России допетровского периода накопилась серьезная для своего времени сумма основательных знаний по географии, быту, политическому положению, взаимоотношениям и национальностям стран Ближнего Востока. Все эти сведения, являясь сви-

¹ См. И. Забелин. Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии. «Русская старина», сентябрь 1877, стр. 18.

² Н. Каптерев. Ук. соч., стр. 285.

³ См. Н. Каптерев. «Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1890, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 367.

детельством интереса ко многим пограничным или близко лежащим от Московии государствам, расширяли географический горизонт русских людей той эпохи¹.

Это ознакомление со странами Ближнего Востока соответствовало широкому развитию географических знаний в России в XVII в. и нашло свое отражение в составленной в 1662 г. «Поверстной книге», в которой даны сведения о 54-х крупнейших городах иностранных государств, с указанием расстояний от них до Москвы и путем следования к ним. Так, например, указано, что от Москвы до Александрии 4 000 верст, если идти на Азов, а оттуда морем, что если идти по Волге и через Астрахань, то «оттуда же все персидскую землю сухим путем 3800», или «Богдат град, иже и Вавилон нарицается, — в расстоянии от Москвы на Астрахань 3400» и т. д.²

В другой, известной книге XVII в., книге «Большому чертежу» (составлена в 1627 г.) также имеются сведения об отдельных территориях и пунктах Ближнего Востока³.

На основании всех перечисленных материалов можно смело утверждать о самостоятельности развития географических знаний в России, о несомненно высоком уровне географических сведений в допетровской Руси, о хорошей изученности не только своей территории, но также и многих стран Ближнего Востока.

В России допетровской эпохи в течение всего XVII в. (и не только XVII в.) шла самостоятельная, упорная, разносторонняя и плодотворная работа по географическому изучению как нашей родины, так и сопредельных с ней стран.

Русские путешественники своими точными, правдивыми и обстоятельными сведениями о странах Ближнего Востока, в частности, о странах Малой Азии, внесли ценный вклад в его изучение.

¹ См. «Исторический архив», т. V, АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 74—93. Статья В. П. Петрова. Географические справочники XVII века.

² Там же, стр. 149—150, 154. Разумеется, нельзя говорить о точности вычисленных расстояний во всех приведенных случаях.

³ Книга «Большому чертежу». Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 96.